

Леонид Млечин

**Холодная война: политики,
полководцы, разведчики**

«Центрполиграф»

2011

Млечин Л. М.

Холодная война: политики, полководцы, разведчики /
Л. М. Млечин — «Центрполиграф», 2011

ISBN 978-5-227-03101-3

Подлинная история холодной войны таит в себе множество неразгаданных загадок и тайн: политические интриги, операции спецслужб, заблуждения людей и амбиции властителей. В новой книге Леонида Млечина воссозданы главные сражения холодной войны и портреты тех, кто ее вел - политических лидеров, военных и сотрудников спецслужб.

ISBN 978-5-227-03101-3

© Млечин Л. М., 2011
© Центрполиграф, 2011

Содержание

От автора	5
Железный занавес опущен	7
Длинная телеграмма Джорджа Кеннана	26
Похождения бригадира Хилла	30
Побег шифровальщика Гузенко	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Леонид Михайлович Млечин

Холодная война. Политики, полководцы, разведчики

От автора

В марте 1952 года Сталин сделал неожиданное предложение об объединении Германии. Возникла старая идея встречи лидеров великих держав, которая поможет разрядить обстановку. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль был готов участвовать. И французы не возражали. 22 августа 1952 года Сталин, которого иностранцы давно не видели, вдруг принял французского посла Луи Жокса и полчаса с ним разговаривал. Решили, что это верный сигнал – Сталин готов ехать в Париж.

И тогда в Центральном разведывательном управлении США созрел безумный замысел избавить мир от советского вождя, если он приедет в Париж. Оперативники прикидывали варианты: взорвать машину со Сталиным? Распылить яд в его лимузине? Или воспользоваться идеями ученых, создававших средства воздействия на мозг человека, и отправить убийцу, который ничего потом не расскажет?

Самое поразительное, что план операции переходил из кабинета в кабинет, не встречая возражений. Заместитель директора ЦРУ Аллен Даллес прочитал бумагу и отдал директору – Уолтеру Беделлу Смиту, отставному генералу и недавнему послу в Москве. И только Смит приказал прекратить разработку планов убийства Сталина. Рассказанное – всего лишь один эпизод противостояния Запада и Востока.

Это была самая долгая война в нашей истории. Первые невидимые миру залпы холодной войны прозвучали сразу после разгрома нацистской Германии, а затихла канонада в годы советской перестройки, когда казалось, что противостояние России и Запада осталось в прошлом.

Все битвы и сражения разворачивались на наших глазах. Но подлинная история холодной войны таит в себе множество неразгаданных загадок и тайн: политические интриги, операции спецслужб, заблуждения людей и амбиции властителей. Трагедия ошибок, чудовищного непонимания мыслей, намерений и устремлений иной стороны. И чем меньше знали, тем больше ненавидели и боялись. Торжество подозрительности. Именно в те годы появилось выражение «промывание мозгов». По заказу специальных служб ученые синтезировали средства воздействия на разум человека. Но обошлись и без чудодейственных препаратов – своего рода безумие охватывало целые народы.

Это была очень запутанная война. Кто скажет, в какой день она началась, а в какой закончилась? Даже состав враждующих коалиций постоянно менялся. Вчерашние союзники перебежали через линию фронта и становились врагами. Некоторые участники боевых действий затруднятся определить, за что они, собственно, сражались. Иногда сражения начинались внутри страны, и, как в гражданскую, схватывались друг с другом, и баррикады рассекали собственную страну.

Причем холодная война в любой момент могла перерасти в горячую. Несколько раз мир стоял на грани ядерного конфликта.

У британского политика Гаролда Макмиллана, когда он стал премьер-министром, журналист поинтересовался, что будет определять курс его правительства.

– События, мой милый, события, – покровительственно ответил он.

А события часто развивались так, что некогда было раздумывать, и на удар хотелось отвечать ударом, и все вокруг требовали жесткости и принципиальности – «не отступи, не смолодушничай!», и генштабисты уже раскладывали на столе свои карты, и военные властно отодвигали политиков в сторону...

Может быть, только счастливая случайность да крепкие нервы некоторых национальных лидеров спасли нас от ядерной войны.

Многим историкам сегодня холодная война видится как трагедия, которую невозможно было избежать: дело не в столкновении тоталитарного Востока и демократического Запада, а в извечном геополитическом противостоянии России и ее западных соседей. Таков был расколотый национальными и блоковыми интересами мир, потому не так сложно было вскоре после Второй мировой соскользнуть в новое противостояние.

Есть иная точка зрения. Большевицкая революция была сама по себе провозглашением холодной войны, потому что ставила целью мировую революцию. И до Горбачева никто от этой цели не отказывался. Разве генералиссимус Сталин и его наследники хотели мирного сосуществования?

Холодную войну не назовешь только лишь столкновением супердержав, повторением того, что происходило и прежде. Это была война идеологий. Или, точнее, идей. Археологические исследования идеологических развалин открывают неприятную истину: семена страха, предубеждений и ненависти к окружающему миру прорастают вновь и вновь. Запасы злобы и вражды стратегического значения переходят от одного поколения к другому. От этого наследства не спешат отказываться.

Вот почему эта книга не представляется мне чисто историческим исследованием. Разве в наши дни не говорят о новой холодной войне?

Как заметил выдающийся немецкий писатель лауреат Нобелевской премии Гюнтер Грасс, хотя уже нет железного занавеса, он все равно еще отбрасывает тень. Иногда эта тень кажется очень мрачной. Словно в каком-то смысле мы и в самом деле обречены вновь и вновь возвращаться в те времена.

Железный занавес опущен

В Москве уже близилось утро, когда машина второго человека в государстве в сопровождении охраны на большой скорости промчалась через притихший город. Если кто-то из москвичей, гулявших по ночному городу, и обратил внимание на скользившие по асфальту черные лимузины, то вряд ли удивился.

Советские люди знали, что вождь и его соратники неустанно трудятся на благо родины, засиживаются в Кремле допоздна, разъезжаются под утро. Чего не знали – это то, что из Кремля члены политбюро отправлялись не отдыхать, а к вождю на ближнюю дачу. Заседание продолжалось за поздним ужином, который Сталин называл обедом.

Но в эту ночь пассажир лимузина приказал везти себя не на сталинскую дачу, а в Спасо-Хаус, в резиденцию американского посла в Советском Союзе Аверелла Гарримана.

По ту сторону океана произошло драматическое событие.

12 апреля 1945 года без пятнадцати пять вечера на теплых источниках в штате Джорджия от кровоизлияния в мозг скончался президент Соединенных Штатов Франклин Делано Рузвельт. Ему было всего шестьдесят три года. За два часа до этого, подписывая срочные бумаги, он пожаловался на невыносимую головную боль. И рухнул на пол.

Ровно через час информационное агентство Интернэшнл Ньюс Сервис сообщило о смерти Рузвельта. В Лондоне время шло к полуночи. В Берлине уже наступил новый день. Имперский министр народного просвещения и пропаганды Йозеф Геббельс позвонил фюреру, чтобы восторженным голосом сообщить о смерти Рузвельта – теперь антигитлеровская коалиция рухнет и в войне произойдет поворот!

В Москве в резиденции американского посла Спасо-Хаусе шел прием.

Посол Аверелл Гарриман родился 15 ноября 1891 года, его отец, железнодорожный магнат, был одним из самых богатых людей страны. Аверелл Гарриман вырос в роскоши, недоступной даже президенту Рузвельту. Он собирал живопись – Сезанна, Пикассо, отлично играл в поло. Он был высок, темноволос и красив, нравился женщинам. Его отец говорил: «Богатство – это ответственность и обязательства. Деньги должны работать на страну». И Аверелл Гарриман пошел на государственную службу.

Его назначение осенью 1943 года послом в Советском Союзе встретили одобрительно. Гарримана в Москве знали, потому что он в двадцатых годах имел концессию на разработку марганцевых руд. Когда концессию закрыли, советское правительство ему все выплатило, так что он остался доволен.

В Москву Гарримана привез государственный секретарь Соединенных Штатов Корделл Халл, который двенадцать лет занимал этот пост (дольше кого бы то ни было). 25 октября 1943 года госсекретаря и нового посла приняли Сталин и Молотов.

Позже Молотов заметил:

– Выяснилось, что вы жесткий человек, с вами не просто иметь дело.

Гарриман обиженно ответил:

– Я ваш друг.

– Мы знаем, – сказал Молотов. – Это был комплимент.

Энергичный и преданный делу, Гарриман занимался делами восемнадцать часов в сутки и требовал такой же преданности от подчиненных. Докладные записки и аналитические справки, по словам его коллег, посла мало интересовали. Он считал, что в Москве все решают личные отношения с хозяевами государства.

Гарриман чаще других американцев встречался со Сталиным. В 1945 году вождь пятнадцать раз принимал посла в Кремле. Гарриман коллекционировал знаменитостей, как дети собирают почтовые марки. Коллеги замечали: когда речь заходила о Гитлере, Гарриман неиз-

менно повторял, что никогда с ним не встречался. В его словах звучало сожаление, как охотник сожалеет о трофее, который ушел у него из рук.

«Он всегда занимает место в первом ряду, – писал о Гарримане его коллега – британский посол в Москве сэр Арчибалд Кларк-Керр. – Он желает выглядеть важным и тем самым напоминает покойного президента Теодора Рузвельта, о котором говорили, что он всегда хотел был младенцем на крестинах, женихом на свадьбе и покойником на похоронах».

Гарриман вел в Москве достаточно скромный образ жизни. В его комнате установили железную печку, трубу вывели в окно. Он катался на лыжах, играл с дочкой в бридж.

В час ночи (в Москве уже наступило 13 апреля) в резиденцию посла позвонил дежурный, чтобы сообщить Авереллу Гарриману печальное известие, только что сообщенное радиостанцией американских вооруженных сил. Трубку взяла дочь посла Кэтлин и передала новость отцу. Всех гостей тут же отправили домой.

«В 02.50 минут, – помнил дежурный в приемной Вячеслава Михайловича Молотова, – позвонил Гарриман и просил сообщить Народному комиссару, что незадолго до 23 часов по московскому времени скончался президент Соединенных Штатов Рузвельт. Гарриман заявил, что сегодня днем, по возможности раньше, он хотел бы видеть г-на Сталина и г-на Молотова».

Почти сразу Гарриман перезвонил: желательно увидеться с Молотовым немедленно. В пять минут четвертого дежурный из Наркомата иностранных дел сообщил в американское посольство: Вячеслав Михайлович сам приедет к послу. Надо понимать, Молотов успел посоветоваться со Сталиным, который так рано не ложился. Ночью лимузин Молотова подъехал к Спасо-Хаусу.

На следующий день Гарриман доложил в Вашингтон: «Молотов казался очень расстроенным и взволнованным... Я никогда не видел его таким искренним».

В восемь вечера американского посла привезли к Сталину.

«Он встретил меня скорбным молчанием, – писал Гарриман, – и не отпускал моей руки секунд тридцать...»

– Президент Рузвельт умер, – сказал Сталин, – но дело его должно быть продолжено. Мы окажем президенту Трумэну поддержку всеми своими силами».

Сталин связывал с Рузвельтом немалые надежды. Война еще не была окончена, вермахт продолжал сопротивляться. И тем более не была решена судьба послевоенного мира, где многое зависело от позиции президента Соединенных Штатов.

Президент Франклин Делано Рузвельт считал, что после войны предстоит создать систему коллективной безопасности, избегая соперничества среди победителей. Молотову Рузвельт говорил, что после войны останутся четыре полицейских, которые будут следить за остальными странами, – Англия, США, Советский Союз и Китай. Этим четырем странам только и будет позволено иметь оружие.

К американскому президенту в Москве относились заметно лучше, чем к Черчиллю. В военные годы выступления Рузвельта печатались в советской прессе и комментировались самым благоприятным образом.

«Сталин чувствовал себя с президентом вполне комфортно, – считал Гарриман. – Сталин обращался с президентом как со старшим, всячески стараясь понять, что у него на уме. Мысли Рузвельта ему, очевидно, понравились, он относился к президенту с особым почтением и уважением».

А теперь в Белом доме знакомого Сталину и симпатичного ему президента сменил вице-президент Гарри Трумэн, который не имел опыта в международных делах и презирал безбожный коммунизм. Когда Германия напала на Советский Союз, Соединенные Штаты еще не воевали. Один журналист остановил сенатора из Миссури Гарри Трумэна на ступенях Капитолия и спросил, как в этой ситуации должна себя вести Америка.

Трумэн, считавший оба режима отвратительными, ответил с прямоотой, свойственной уроженцам Среднего Запада:

– Если мы увидим, что Германия побеждает, нам следует помочь России. А если будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии. И пусть они убивают друг друга сколько могут; хотя я ни в коем случае не желаю Гитлеру победы.

Многие американцы не видели особой разницы между нацистским и сталинским режимом. Такой точки зрения придерживался известный американский дипломат и специалист по России Джордж Кеннан, чье имя не раз возникнет на страницах этой книги.

24 июня 1941 года, через день после нападения нацистской Германии на Советский Союз, Кеннан писал своему другу: «Россия безуспешно пыталась обеспечить свою безопасность за счет компромиссов с Германией и направить немецкие военные поползновения на Запад. Москва заботилась исключительно о собственных интересах. Надо реалистически оценивать настоящее положение России: эти люди вели опасную игру и должны теперь сами нести ответственность. Подобный взгляд не помешает оказывать ей материальную помощь, что требуют наши собственные интересы, но мы не можем отождествлять себя с воюющей Россией политически и идеологически. Более правильно считать Россию «попутчиком», пользуясь принятым в Москве термином, а не политическим союзником».

Историю холодной войны, которая почти без промедления сменила войну горячую, принято отсчитывать от фултонской речи Уинстона Черчилля. Но когда в марте 1946 года Черчилль говорил о железном занавесе, разделившем Европу, и призывал Соединенные Штаты объединить усилия с Англией, чтобы противостоять мировому коммунизму и Советскому Союзу, холодная война уже началась.

Мысленно возвращаясь к счастливым и волнующим событиям весны сорок пятого, политики и историки еще долго будут пытаться понять, почему вчерашние союзники так быстро стали врагами. Радость советских и американских солдат-победителей, встретившихся на Эльбе 26 апреля 1945 года, была искренней. Но уже через несколько месяцев союзники оказались по разные стороны баррикады. И многие десятилетия они будут считать друг друга врагами и всерьез готовиться к войне. Память о союзе в борьбе с нацизмом исчезнет быстро, а след холодной войны останется надолго, если не навсегда.

Была ли холодная война неизбежной? Кто начал холодную войну? Кто произвел первый выстрел? И зачем? Вот вопросы, на которые не так-то легко дать ответ.

Судьба послевоенной Европы решалась в Крыму, когда еще шли бои. 4 февраля 1945 года открылась Ялтинская конференция великих держав. Царила атмосфера практически полного согласия. В первый же день первый заместитель начальника Генерального штаба Красной армии генерал Алексей Иннокентьевич Антонов попросил союзников нанести авиаудары, чтобы помешать немцам перебросить подкрепления на Восточный фронт. Он особо выделил три транспортных центра – Берлин, Лейпциг и Дрезден. Союзники откликнулись. В ночь на 13 февраля на Дрезден обрушились бомбы. Когда ковровые бомбардировки Дрездена утром 15 февраля закончились, официальное число погибших достигло сорока тысяч.

Сталин считал, что победитель в войне имеет право на территориальные приобретения. Он, во-первых, хотел, чтобы мир признал новые советские границы, то есть включение в состав СССР Прибалтийских республик, территорий, присоединенных в результате раздела Польши, а также Бессарабии и Буковины, прежде принадлежавших Румынии. Во-вторых, Сталин хотел обезопасить страну от Германии, с которой дважды пришлось воевать. Для этого он намерен был создать вокруг Советского Союза пояс дружественных государств. Все территории, на которые вступила Красная армия, должны были войти в советскую сферу влияния.

Сталин говорил своим партийным товарищам:

– В этой войне не так, как в прошлой. Кто занимает территорию, насаждает там, куда приходит его армия, свою социальную систему. Иначе и быть не может.

В определенном смысле британский премьер-министр Черчилль сам предложил Сталину поделить Восточную Европу. Это произошло еще до Ялты, в октябре 1944 года, когда Черчилль приехал в Москву. Премьер-министру показалось, что «дядя Джо проявляет большую, чем когда-либо раньше, сговорчивость». И Черчилль решил, что надо ковать железо, пока горячо.

В первый же день переговоров в Кремле он передал Сталину листок бумаги, на котором обозначил в процентах соотношение влияния Советского Союза и Англии в различных странах Европы. В Греции – девяносто процентов к десяти в пользу Англии. В Югославии пополам. В Венгрии пополам. В Болгарии семьдесят пять к двадцати пяти в пользу СССР.

Одни считают этот шаг британского премьера бесстыдной привычкой великих держав решать судьбы народов по глобусу. Другие – умным ходом в попытке сохранить за Западом какие-то позиции в Центральной и Восточной Европе.

При этом Сталин и Черчилль с презрением относились друг к другу.

– Может быть, вы думаете, что мы забыли, кто такие англичане и кто есть Черчилль? – говорил Сталин одному из руководителей компартии Югославии. – У англичан нет большей радости, чем нагадить союзникам. А Черчилль, он такой, что, если не побережешься, он у тебя копейку из кармана утянет. Ей-богу, копейку из кармана! Рузвельт не такой – он засовывает руку только за кусками покрупнее. А Черчилль – и за копейкой.

Британский премьер не оставался в долгу.

– Россия – это большое животное, которое очень долго голодало, – сказал Уинстон Черчилль руководителю «Свободной Франции» генералу Шарлю де Голлю. – Сегодня невозможно не дать ему насытиться. Но речь идет о том, чтобы оно не съело все стадо. Я стараюсь умерить запросы Сталина, который, кстати сказать, если даже и обладает большим аппетитом, не утрачивает здравого смысла. Кроме того, после еды начинается пищеварение. Когда придет час усвоения пищи, для русских настанет пора трудностей. И тогда Николай-угодник, быть может, сумеет воскресить несчастных детей, которых людоед засалил впрок.

На конференции в Ялте Сталин, Черчилль и Рузвельт установили рубеж, на котором должны были встретиться наступающие советские войска и войска союзников. После войны эта демаркационная линия превратится в линию раздела Европы.

Западные политики понимали, что у них мало шансов повлиять на судьбу Восточной Европы. Перед отлетом в Ялту Черчилль сказал своему секретарю:

– Все Балканы, кроме Греции, будут болыпевизированы, я ничего не в состоянии предпринять, чтобы это предотвратить. И для Польши я тоже ничего не в силах сделать.

К Балканским странам британский премьер-министр относился без всякого уважения. 2 августа 1944 года Черчилль сказал в палате общин о Болгарии, оказавшейся на стороне нацистской Германии:

– Трижды брошенная в войну не на той стороне жалкой группой преступных политиков, которых, кажется, всегда можно было найти для того, чтобы из поколения в поколение вести страну к гибели, – трижды за мою жизнь эта презренная Болгария обрекала крестьянское население на муки войны и страдания, связанные с поражением... Какое место выпадет Болгарии на судилище, когда у всех откроются глаза на мелкую и трусливую роль, которую она играла в этой войне?..

Конечно, в Ялте ни американцы, ни англичане не согласились на то, чтобы освобождаемые Красной армией страны перестраивались по советскому образцу. Приняли декларацию об условиях демократизации государств Европы. Но западные лидеры признали особую роль Советского Союза на востоке континента.

– Американцы, – говорил наркому Молотову посол Гарриман, – прекрасно сознают, что в небольших странах Восточной Европы Советский Союз имеет особые интересы. Все дело в том, чтобы облечь это в какую-то такую форму, которая была бы понятна общественному мне-

нию США, чтобы оно не считало, что Болгария и Румыния «подавлены» Советским Союзом, что выборы в этих странах не свободны, а правительство является «русской креатурой».

«В этом месте я прервал Гарримана, – отметил Молотов в записи беседы, – и между нами произошла довольно длительная дискуссия по вопросу о том, что такое демократия вообще и демократия в Болгарии и Румынии в частности...»

В Москве, Вашингтоне и Лондоне по-разному понимали, что такое «особые интересы», и сильно заблуждались относительно намерений друг друга. Сталин считал, что договорились так: он не строит авианосцы и не вторгается в сферы, которые Америка и Англия закрепили за собой, но и Западу незачем влезать в то, что он делает в Восточной Европе.

Вернувшись из Крыма, в палате общин Уинстон Черчилль сказал:

– На протяжении всей войны я ни разу не испытывал чувства такой тяжелой ответственности, как в Ялте. Мы вступаем в царство непредвиденных случайностей, где на каждом шагу возникают сомнения. Было бы ошибкой заглядывать слишком далеко вперед. Звенья в цепи судеб можно скреплять лишь по одному.

Польское правительство, которое после военного поражения эмигрировало в Лондон, отказалось принять ялтинские договоренности.

Англия вступила во Вторую мировую в сентябре 1939 года ради Польши, на которую напал Гитлер. Польские летчики, которые перелетели в Лондон, храбро защищали британское небо от немецких бомбардировщиков. Они сражались вместе с союзниками в Италии и во Франции. На выборах американского президента к избирательным урнам приходили семь миллионов избирателей польского происхождения. Ни Англия, ни Америка не могли остаться равнодушными к судьбе Польши.

13 апреля 1943 года берлинское радио сообщило, что немецкие войска обнаружили тела нескольких тысяч польских офицеров в деревне Катынь возле Смоленска, которые были убиты НКВД. Имперский министр Геббельс был счастлив.

Через несколько дней глава польского правительства в изгнании Владислав Сикорский, встретившись с Черчиллем, сказал, что есть серьезные основания полагать, что поляки действительно убиты советскими чекистами. Черчилля интересовало только одно – необходимость единых действий в борьбе против нацистской Германии. Он цинично сказал Сикорскому:

– Если они мертвы, их уже не оживить.

Сикорский не меньше других был заинтересован в победе над нацистами. Но он, как и другие поляки, уже понял, что на этот раз немцы рассказали правду, потому что без внимания были оставлены все просьбы польского правительства получить от Москвы ответ на вопрос, куда пропали военнопленные, взятые в плен советскими войсками осенью 1919 года. Сикорский обратился за помощью в Международный комитет Красного Креста с просьбой провести независимое расследование.

26 апреля 1943 года Советский Союз разорвал отношения с эмигрантским правительством Польши. Советский посол в Лондоне Иван Михайлович Майский раздраженно заметил Черчиллю:

– Поляки были храбрым, но глупым народом. Они никогда не умели управляться со своими делами. Их беспомощное правительство безрассудно натравливает свою двадцатимиллионную нацию на страну, где живут двести миллионов человек... Терпение России не безгранично.

Вечером 7 мая Сталин в разговоре с британским послом в Москве Арчибалдом Кларк-Керром высказался еще жестче:

– Члены польского правительства не пожелали жить в мире с нашей страной. Они перенесли на Советский Союз застарелую ненависть, которую питали к царскому правительству.

Они упорно пытались стравливать союзников... Видимо, они считали такую игру умной, но на самом деле Бог не дал им мозгов.

Союзники не оставляли надежды наладить сотрудничество между польским правительством в изгнании и Москвой. Американский посол Гарриман попросился к Сталину на прием.

– Опять поляки? – недовольно произнес Сталин. – Неужели это самый главный вопрос?.. Лондонские поляки – это помещики, которых народ не пустит в Польшу. Все считают русских батраками. Русские должны освободить Польшу, а поляки хотят получить Львов. Все считают, что русские – дураки.

Владислав Сикорский погиб в авиационной катастрофе, обстоятельства которой и по сей день многим историкам кажутся странными. Его сменил Станислав Миколайчик. В конце июля 1944 года новый глава эмигрантского правительства прибыл в Москву на переговоры. Пока шли переговоры, 1 августа в Варшаве началось вооруженное восстание – самое крупное выступление против нацистов в оккупированной Европе.

Повстанцы во главе с генералом Тадеушем Бур-Комаровским, командующим подпольной Армией крайовой, хотели сами выбить немцев из столицы, чтобы иметь право восстановить польское государство и встретить наступающие советские войска хозяевами собственной земли.

«Последней «каплей», – писал генерал Войцех Ярузельский, воевавший на стороне Красной армии, – которая рассеяла сомнения генерала Тадеуша Бур-Комаровского и привела к принятию решения о начале Варшавского восстания, оказалась информация о появлении нескольких советских танков на Праге – пригороде Варшавы».

Это произошло 31 июля, когда подчиненный Бур-Комаровского полковник Анатолий Хрустель доложил генералу, что советские танки уже входят в город. Повстанцы конечно же рассчитывали на подход частей Красной армии. Но именно 1 сентября наступавшие советские войска остановились. У немецкого командования освободились силы, которые оно бросило на уничтожение Варшавы и варшавян.

Поляки считают, что Красная армия, стоявшая на другом берегу Вислы, сознательно не сдвинулась с места, пока немцы не подавили восстание.

Командующему 1-м Белорусским фронтом Константину Константиновичу Рокоссовскому, поляку по происхождению, поручили дать интервью британскому корреспонденту Александру Верту и объяснить, почему его войска вдруг остановились, когда говорилось, что они вот-вот войдут в Варшаву.

– Я признаю, что некоторые советские корреспонденты проявили 1 августа излишний оптимизм, – говорил Рокоссовский. – Нас теснили... На войне такие вещи случаются... Мы теряем много людей. Учтите, что у нас за плечами более двух месяцев непрерывных боев... Красная армия может временами уставать. Наши потери были очень велики.

Развеять взаимное недоверие не удавалось. Сталин подозревал Англию и Соединенные Штаты в намерении подписать сепаратный договор с Германией. Американцы и англичане полагали, что Сталин сознательно остановил свои войска и дал немцам подавить Варшавское восстание, чтобы создать политический вакуум и очистить площадку для польских коммунистов.

Союзники просили разрешения использовать советские аэродромы, чтобы на них могли садиться самолеты, которые вылетали бы из Италии, чтобы снабжать с воздуха польских повстанцев.

Сталин обещал помочь восставшим полякам. Но 15 августа первый заместитель наркома иностранных дел Андрей Януарьевич Вышинский отверг просьбу союзников разрешить их самолетам садиться на аэродроме в Полтаве. Британским самолетам не хватало керосина, чтобы вернуться на свои аэродромы. Летчики сбрасывали груз над Варшавой и прыгали с парашютом.

Гарриман добился встречи с Молотовым, сказал ему о том, что «ненужная гибель» американских и британских летчиков произведет тягостное впечатление на союзников:

– Отказ в помощи полякам, которые ведут теперь борьбу в Варшаве, никогда не будет понят в Соединенных Штатах, каковы бы ни были ошибки руководителей поляков. Я уверен, что если Молотов продумает эти факты, то он пересмотрит свое решение.

Переводчик Павлов пометил: «Эти свои последние слова Гарриман произнес сильно взволнованным голосом».

Гарриман вспоминал, что это были «самые трудные переговоры». Вернувшись к себе в Спасо-Хаус, посол Гарриман подготовил письмо Рузвельту:

«Единственное, во что я здесь верил, была надежность слова Сталина. Теперь он нарушил свое обещание, данное Миколайчику, и сделал это безо всяких видимых оснований. Только что Сталин обвинял поляков в нежелании «драться против немцев», а 9 августа, встретившись с Миколайчиком, назвал Варшавское восстание неразумным.

Польская проблема, важная сама по себе, может предвещать ту же беспощадную советскую политику и на других направлениях... Советское правительство ошибочно воспринимает наше расположение как признак слабости и согласия с его политикой... Если мы не станем возражать, то по всем признакам Советский Союз превратится во всемирного громилу повсюду, где затрагиваются его интересы...»

9 сентября 1944 года Сталин и Молотов все-таки согласились принимать самолеты союзников на своих аэродромах. 13 сентября и советская авиация начала полеты на Варшаву. Но было поздно. К тому времени восстание было фактически разгромлено.

Осенью 1939 года Сталин принял участие в разделе Польши. Часть польской территории была присоединена к Советскому Союзу. Сталин согласен был только на такое правительство в Варшаве, которое признает новые границы. Министры-эмигранты, нашедшие убежище в Лондоне, не были готовы к такой жертве. Значит, считал Сталин, Польшу должны возглавить другие люди. И они нашлись. Но его ставленников не признавали союзники.

На совещании трех министров иностранных дел в Ялте в феврале 1945 года выработали компромисс: «Действующее ныне в Польше Временное правительство должно быть реорганизовано на более широкой демократической основе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы».

Расплывчатая формула позволяла обеим сторонам толковать ее смысл по-своему.

Британский министр иностранных дел Энтони Иден в палате общин говорил:

– Временами трудно отделаться от гнетущего чувства, порожденного сложными проблемами, нависшими над Европой. Они несравнимо острее тех, которые возникали после прошлой войны... Восстановить жизнь в Европе, избавить Европу от анархии и хаоса возможно лишь совместными усилиями трех держав... Внешняя политика Англии веками зиждилась на твердом намерении не допускать господства какой-либо одной страны над Европой. Мы верим в Европу, мы являемся частью Европы, и я убежден, что ни одна страна никогда не будет господствовать над Европой. Она слишком велика для того, чтобы одна нация смогла этого добиться.

Британский министр был настроен примирительно: разумнее стараться урегулировать нестерпимое положение, чем упорствовать по принципиальным соображениям и тем самым не только ничего не уладить, но и вообще поставить под сомнение единственную основу, на которой можно добиться урегулирования в послевоенном мире.

Рузвельт писал Сталину 6 февраля 1945 года: «Соединенные Штаты никогда не поддержат каким-либо образом любое временное правительство в Польше, которое было бы враждебно Вашим интересам».

Рузвельт откровенно говорил Гарриману, что ему в общем все равно, станут восточноевропейские страны коммунистическими или нет. Важнее было обеспечить участие Советского

Союза в войне с Японией. Он намеревался сразу же после победы над Гитлером вывести американские войска из Европы.

Рузвельт писал Черчиллю:

«Умоляю, не просите меня оставить американские войска во Франции. Я просто не могу этого сделать! Мне надо будет вернуть их домой. Я отказываюсь опекать Бельгию, Францию и Италию: это вам следует воспитывать и наказывать собственных детей...

Я не хочу, чтобы Соединенные Штаты брали на себя бремя перестройки Франции, Италии и Балкан. Это не наша задача, коль скоро мы отдалены от этих мест более чем на три тысячи миль».

В последние месяцы войны, когда решалась судьба Европы, Франклин Рузвельт, переболевший полиомиелитом, уже медленно умирал от церебральной ишемии. Он страдал от высокого давления. Больное сердце не могло в должной степени снабжать кислородом мозг.

Вице-президент Гарри Трумэн, побывав в Белом доме, бодро сказал журналистам:

– Президент отлично выглядит, мы съели больше, чем я обычно съедаю на обед.

Но друзьям Трумэн с ужасом поведал:

– У Рузвельта трясутся руки, он не мог налить сливки в кофе. Президент с трудом говорит. С головой у него все в порядке, но физически он буквально разваливается на части.

Считается, что на Ялтинской конференции в феврале 1945 года Рузвельт чувствовал себя настолько плохо, что не понимал Сталина.

– Мы действительно всем сердцем верили в то, что занимается заря нового дня, о наступлении которого все мы молились, – вспоминал советник Рузвельта Гарри Гопкинс. – Ни у президента Рузвельта, ни у кого-либо из нас не возникало ни малейшего сомнения в том, что мы сможем мирно жить и ладить с русскими.

Впрочем, никто в действительности не знал, какие мысли скрывал в своей голове Рузвельт. Он был загадочным человеком. И по сей день исследователи еще не до конца в нем разобрались. Мелкие уловки и высокие принципы – все сочеталось в нем самым невероятным образом. Он был политиком до мозга костей.

В Сталине Рузвельт видел партнера в сохранении послевоенного мира. Но если бы он убедился, что советский вождь не таков, каким он себе его представлял, Рузвельт стал бы его противником. 24 марта 1945 года, перед тем как отправиться на воды в Джорджию, Рузвельт прочитал телеграмму своего посла в Москве и произнес:

– Аверелл прав. Со Сталиным невозможно иметь дело. Он нарушил все обязательства, которые взял на себя в Ялте.

Выходит, холодная война была неизбежной? Однако же президент Рузвельт верил, что накал напряженности можно снизить с помощью доброй воли, и у него это получалось. Если бы Рузвельт еще пожил, возможно, накал и масштабы холодной войны были бы меньшими. Но мастер очаровывать людей и находить компромиссы Франклин Делано Рузвельт 12 апреля 1945 года ушел в мир иной.

Гарри Трумэн стал вице-президентом, потому что группа влиятельных политиков хотела избавиться от прежнего – Генри Уоллеса. Это был очень серьезный и яркий политик, биолог по образованию и профессии. Уоллес был думающим человеком и сторонником рузвельтовского «нового курса» и подлинно демократической Америки, выступал в защиту гражданских прав. Но он был, пожалуй, слишком интеллигентен для практической политики, учил русский язык, развлекался тем, что бросал бумеранг, и был мистиком – советовался с духом ушедшего из жизни индейского вождя. Для циничных политиков он был неприемлем.

Джеймс Бирнс, который потом станет государственным секретарем Соединенных Штатов, казался очевидным кандидатом в вице-президенты. Но Бирнс был католиком, а женившись, стал протестантом. Ясно было, что американские католики за отступника голосовать не станут. К тому же южанин Бирнс был сторонником расовой сегрегации.

– Если дать неграм политические права, – пугал однопартийцев Бирнс, – они не только вступят в Демократическую партию, они станут контролировать партию.

Южане не хотели Уоллеса, потому что он был сторонником равноправия. Северяне не принимали Бирнса как раз за обратное. Возникла кандидатура Гарри Трумэна, как очевидно компромиссная. Сам он не знал, как ему относиться к перспективе вице-президентства. Делился с другом:

– Вице-президент председательствует в сенате и ждет похорон.

Партийные боссы решили в пользу Трумэна. У Трумэна не было врагов, он придерживался умеренных взглядов, что всех и устроило. Но Рузвельт не нуждался в вице-президенте, не принимал его всерьез и не вовлекал в большую политику.

До конца февраля 1945 года Рузвельта вообще не было в стране. Через два дня после инаугурации в обстановке полной секретности он поехал на поезде в Норфолк, где сел на борт крейсера «Квинси», который отправился в Средиземное море. С Мальты президента на самолете доставили в Ялту.

Трумэну объяснили, что в случае крайней необходимости он может связаться с президентом через Белый дом. О встрече лидеров великих держав в Ялте его даже не поставили в известность. 1 марта 1945 года на совместном заседании обеих палат он вместе со всеми выслушал рассказ Рузвельта о конференции в Ялте. Президент произнес речь сидя. Он выглядел очень плохо, говорил с трудом.

В роли вице-президента Гарри Трумэн пробыл всего семьдесят три дня. За это время они с Рузвельтом встречались – если не считать заседаний кабинета министров – только дважды – 8 марта и 19 марта, и оба раза ничего важного не обсуждалось. Франклин Рузвельт не ввел его в узкий круг, где принимались все важные решения.

Рузвельт любил нюансы, тонкости, игру. А Трумэн предпочитал простые вопросы и ясные ответы – хорошо или плохо, умно или глупо. Рузвельт был актером, Трумэн – простым и небогатым человеком. У него даже не было собственного дома. А Рузвельт в глазах Трумэна принадлежал к высшему обществу. За глаза Трумэн называл президента Санта-Клаусом, примадонной и факиром.

Для Трумэна президент был слишком уклончив. Трумэн привык к людям, которые говорят прямо. Трумэн жаловался:

– Когда встречаешься с президентом, всегда говорит он – и о том, о чем он желает говорить, и никогда не говорит о том, о чем ты хочешь с ним побеседовать.

Гарри Трумэн не знал, что обсуждалось на высшем уровне с союзниками. Не знал, что атомное оружие практически создано. Не знал, что Америке делать в Европе. Разрушенная и отчаявшаяся Европа лежала между двумя главными победителями – ее можно было оккупировать, спасти или сражаться за нее.

Вступив в должность президента Соединенных Штатов, Гарри Трумэн признался:

– Это чудовищная ответственность, и я последний, кому она по плечу.

После смерти Рузвельта ведущую роль взял на себя Уинстон Черчилль. Из участников «Большой тройки» он был самым старомодным. Он жил идеалами исчезнувшей Британской империи. Иногда он вел себя как выдающийся государственный деятель, иногда как большой ребенок. У Черчилля легко зарождалась эмоциональная привязанность к тем, с кем ему приходилось сотрудничать, временами даже к Сталину.

Старомодный аристократ, Уинстон Черчилль происходил из семьи, которая поколениями давала Англии государственных деятелей и солдат. Он пошел в армию и стал кавалеристом. Во время Англобурской войны попал в плен, но бежал. Буры назначили награду за его поимку – тридцать фунтов стерлингов.

Он был невероятно далек от жизни простых людей. Сын лорда и внук герцога, он родился во дворце. Его всегда окружали слуги. У него никогда не было времени на серьезное изучение

предмета. Он был блистательным импровизатором, человеком неожиданных идей и стремительных действий. Его не пугала война. Он словно предчувствовал, что это его время, что он станет героем. Его не пугали трагизм и кровь войны. Его характер закалился в борьбе, когда выбор был простым: убей, или тебя убьют.

Когда Гитлер напал на Россию, именно Черчилль сделал первый шаг навстречу Москве. Бывший организатор крестового похода против коммунизма заявил:

– Прошлое с его преступлениями, безрассудством и трагедиями остается позади, теперь Англия окажет любую помощь России и русскому народу.

В своем кругу Черчилль объяснил:

– Если бы Гитлер вторгся в ад, я бы публично поддержал самого дьявола.

Понятие «железный занавес» Черчилль впервые употребил не в Фултоне, а значительно раньше, в письме президенту Трумэну 12 мая 1945 года: «Железный занавес опустился над их фронтом. Мы не знаем, что за ним происходит».

18 мая премьер-министр Черчилль пригласил к себе советского посла Федора Тарасовича Гусева на рабочий завтрак и сказал послу, что он хотел бы провести новую встречу «Большой тройки» на территории поверженной Германии: «Без личной встречи руководителей трех стран невозможно разрядить весьма напряженную обстановку» (см. журнал «Новая и новейшая история», № 4/2005).

– Вы держите в руках европейские столицы и никого туда не пускаете, – говорил послу Черчилль. – Польские дела загнаны в тупик, общая атмосфера накалена – все это не может не вызывать у нас тревогу. Я знаю, вы являетесь великой нацией и своей борьбой заслужили равное место среди великих держав, но и мы, британцы, являемся достойной нацией, и мы не позволим, чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы.

Федор Гусев сообщал в Москву, что Черчилль с трудом сдерживал себя.

Через несколько дней после поражения Германии премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль приказал своим военным готовить планы грядущей войны с Советским Союзом. Секретный план получил название «Операция «Немыслимое». Он предусматривал совместные действия американских и британских войск при поддержке немецкого корпуса, которому вновь выдадут оружие.

Предлагалось сконцентрировать сорок семь англо-американских дивизий плюс десять германских (хотя и понимали сложность мобилизации немцев на новую войну – однако полагали, что страх перед большевизмом подтолкнет их к сотрудничеству с англичанами и американцами) для противостояния советским войскам в Восточной Европе. Авиация Англии собиралась действовать с баз в Дании и Северной Германии, флот – двинуться вперед вдоль балтийского побережья.

Планировщики исходили из того, что в ответ Сталин, скорее всего, оккупирует Норвегию, вторгнется в Грецию и Турцию, захватит нефтяные месторождения Ирана и Ирака – на этом направлении одиннадцати дивизиям Красной армии могли противостоять только две индийские бригады.

Начальник имперского Генерального штаба и главный военный советник Черчилля Алан Брук еще в 1943 году пришел к выводу, что именно Советский Союз станет следующим врагом. 22 мая 1945 года Черчиллю доложили, что придется противостоять СССР объединенными силами Соединенных Штатов и Британской империи. Но через день, на совещании 24 мая, британские военачальники нашли идею войны с Советским Союзом «фантастической и невыполнимой» и отвергли план. Им рисовались другие картины ближайшего будущего: как быть, если Красная армия не остановится в Германии, а двинется дальше, оккупирует Францию и соседние небольшие страны?

Когда общий враг, Гитлер, был повержен, вновь встал вопрос: как относиться к Советскому Союзу? Массовые репрессии, насильственная коллективизация, голод – все это привело

к тому, что в представлении западного мира Советская Россия мало чем отличалась от нацистской Германии. Заместитель начальника британского Генерального штаба генерал-лейтенант Генри Паунал пометил в дневнике, что не может относиться к советским вождям как к союзникам: «Они убийцы».

Британский посол Кларк-Керр жаловался, что в Москве он живет как в клетке. Мало кто из советских граждан рисковал принять приглашение на прием в британское посольство. Послу позволяли встречаться только с узким кругом советских чиновников. За ним постоянно следили. Его утешало только одно:

– Меня окружало четверо, а японского посла восемь человек.

Впечатления английских дипломатов и военных от пребывания в Советском Союзе и от общения с советскими чиновниками были столь тягостными, что они затмевали более реалистический анализ политики Москвы. Британские разведчики говорили о «примитивной азиатской расе». При мысли о появлении у ворот цивилизованной Европы таких варваров возникала мысль о необходимости сдерживания Красной армии.

– Вполне естественно относиться к русским как к разумным человеческим существам, – говорил в своем кругу Александр Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании. – Но поскольку они таковыми не являются, а охвачены безумной подозрительностью, то от нас требуется невиданное терпение.

По существу, вернулись предвоенные настроения. Тогда, после пакта с Гитлером, Советский Союз рассматривался как фактический союзник нацистской Германии. Война Советского Союза с Финляндией едва не стала в 1940 году поводом для почти открытых действий Англии против Советского Союза. Управление специальных операций готовило диверсии на советских нефтяных объектах. Британские добровольцы-горнолыжники тренировались во Французских Альпах, ожидая отправки в Финляндию. Они должны были стать своего рода «интернациональной бригадой» и помочь финнам.

Многие в Англии и Соединенных Штатах считали Сталина и Гитлера двумя главными преступниками в мире. Сторонники такой точки зрения исходили из того, что союз со сталинским режимом мог быть только временным.

Генерал Джон Дин, который во время войны руководил американской военной миссией в Москве, считал, что в Вашингтоне, занимаясь поставками оружия и стратегически важных материалов по ленд-лизу в СССР, перестарались и передали советской армии больше, чем следовало, – в особенности после того, как в войне наметился поворот в результате Сталинградской битвы.

«Абсолютно правильным было относиться к России как к союзнику, – доказывал генерал Дин, – до тех пор, пока она терпела поражение в войне, но ситуация для нас стала очень серьезной, когда русские начали контрнаступление».

Британские дипломаты составили доклад, в котором говорилось: «Общее мнение всех стран, граничащих с Советским Союзом и испытавших на себе советское правление, таково, что, каким ужасным бы ни было поведение немцев, это меньшее зло, чем правление России».

22 мая 1945 года британский посол при польском правительстве в эмиграции сэр Оуэн О'Малли жаловался, что советское правление в Восточной Европе означает «чистки, аресты и расстрелы». Запад делает вид, что не замечает этого, во имя сохранения единого фронта против нацистской Германии, но настало время менять политику. Советская система «такая же жестокая, как правление нацистов». 1 октября 1945 года британские военные докладывали в Лондон, что пребывание советских войск на территории Польши сопровождается «повсеместными убийствами, изнасилованиями и грабежами. Такое поведение советских войск всем уже знакомо».

В свою очередь, Сталин опасался, что англичане и американцы могут сговориться с немцами и вместе повернуть против него. 29 июня 1945 года маршал Георгий Константинович

Жуков отдал приказ провести полную перегруппировку советских войск, находящихся на территории Германии, и подготовиться к ведению боевых действий против неназванного противника.

Шанс преодолеть разногласия представился на встрече «Большой тройки» в Потсдаме. Гарри Трумэн считал очень по-американски, что большинство проблем – результат непонимания. Нужно встретиться со Сталиным – «лицом к лицу» – и обо всем спокойно договориться. Трумэн с детства гордился своей способностью договариваться с людьми.

Гарри Трумэн объяснял историку Роберту Шервуду:

«Внешняя политика, проводимая моей администрацией, является продолжением той, что была у страны с 1939 года. Я полагаю, что все мы испытывали к России самые добрые чувства как к нашему союзнику, и я знал, направляясь в Потсдам, что готов оказать ей помощь в деле восстановления...»

Но печальный опыт, кажется, свидетельствует, что русские не относятся к договорам с тем же священным трепетом, с которым относимся к ним мы».

Когда Трумэн приехал в Потсдам, Черчилль пожелал с ним познакомиться. Президент пригласил его на одиннадцать утра. Дочь британского премьер-министра Мэри потом сказала, что отец не вставал так рано лет десять.

Черчиллю было за семьдесят. У него было ощущение, что он уже все видел. Он привык, что им восхищаются. Но выглядел он неважно, устал. Черчилль произнес множество комплиментов Трумэну. Американский президент записал в дневнике: «Уверен, что мы бы прекрасно поладили, если бы он не пытался все залить елеем».

Днем 16 августа Трумэн захотел осмотреть разрушенный Берлин. То же сделал и Черчилль, он провел полчаса на развалинах имперской канцелярии. Увидев развалины, сказал:

– Вот что было бы с нами, если бы они победили.

Все задавались вопросом: где же Сталин?

Советский вождь приехал позже остальных, вечером 16 августа, на поезде. Говорили, что его задержали дела. Возможно, он просто хотел подчеркнуть свою значимость. Англичане и американцы изумились сталинской охране. Он появился в Потсдаме в сопровождении тысяч солдат НКВД. Западные дипломаты полагали, что у советского вождя паранойя.

Посол Аверелл Гарриман, который тоже приехал в Потсдам, поздравил Сталина с победой.

– Вы дошли до Берлина. Рады?

– Чего радоваться? – ответил Сталин. – Император Александр дошел до Парижа.

К новому американскому президенту Гарри Трумэну Сталин сам приехал знакомиться. Дипломаты заметили, что вождь постарел. Он медленно двигался, говорил мало и тихо. Трумэн попытался обратиться к Сталину фамильярно – «дядя Джо», но понял, что этого не следует делать. Сталин уверенно сказал, что Гитлер жив и скрывается где-то в Испании или Аргентине. Повторил свое обещание принять участие в войне против Японии.

Гарри Трумэн неуверенно пригласил Сталина пообедать. Вождь с удовольствием остался. Подавали суп со шпинатом, жареную печень и бекон, запеченную свинину, картофель, фасоль, хлеб, джем, фрукты, пирожные и сигары, от которых Сталин отказался, и калифорнийское вино, которое он оценил.

Трумэн написал жене: «Сталин мне нравится. Он прямой человек».

Здесь, в Потсдаме, началась атомная эпопея. Трумэн сказал Сталину, что создано новое оружие. Принято считать, что президент сообщил тогда об успешном ядерном испытании, чтобы произвести впечатление на Сталина, надавить на него. Но Трумэн приехал в Потсдам в хорошем настроении. Морское путешествие доставило ему удовольствие. Показывали кино, нашлись партнеры для игры в покер. Он много гулял по палубе и думал, что со Сталиным поладит.

«Идея использовать атомную бомбу для давления на русских никогда не обсуждалась в Потсдаме, – писал Аверелл Гарриман. – Трумэн просто об этом не думал. Настроение было такое: относиться к Сталину как к союзнику, трудному, конечно, союзнику – в надежде, что будет вести себя соответственно».

В Потсдаме решали, что делать с разгромленной Германией. Договорились полностью уничтожить ее военную промышленность, распустить все нацистские учреждения, объяснить немецкому народу, что он сам виноват в своем бедственном положении, и реконструировать германскую политическую жизнь на демократической основе.

В какой-то момент Трумэн поинтересовался у Сталина, что произошло с польскими офицерами, о которых говорят, что их расстреляли в Катыни. Сталин ответил холодно:

– Они убежали.

Прямо во время конференции в Потсдаме «Большую тройку» покинул Уинстон Черчилль. Еще 25 мая 1945 года на аудиенции у короля он подал в отставку как премьер-министр кабинета военного времени. Король поручил ему сформировать временное правительство и провести выборы, которые назначили на 5 июля. Британские солдаты, разбросанные по всему миру, тоже голосовали, поэтому на подсчет голосов потребовалось две недели.

Черчилль, который находился в ореоле славы, рассчитывал на победу. Но Консервативная партия потерпела тяжелое поражение. По мнению историков, консерваторов постигло возмездие за их зазнайство. Несмотря на свою проницательность и опыт политической борьбы, Черчилль не сумел уловить настроения страны и допустил плачевные ошибки, выступая по радио. Он третировал соперников – Либеральную и Лейбористскую партии – как сборище наглецов, которые берутся не за свое дело.

Консервативная партия впервые с 1929 года перешла в оппозицию. В среде тори всегда преобладал элемент дилетантства благодаря глубоко укоренившимся традиционным воззрениям, что политика есть дело добровольное. Но личные качества лидеров, тот характер, который правящей элите прививали закрытые привилегированные школы, еще недостаточны, чтобы завоевать доверие страны.

Победили лейбористы. Страна поверила в их обещание создать государство всеобщего процветания. После тягот войны никто не хотел думать о большой политике.

26 июля в Потсдам пришли ошеломляющие новости из Лондона. Больше всего была потрясена советская делегация. Неужели заранее не был известен результат выборов, удивлялся Молотов. Черчиллю пришлось покинуть Потсдам. Его сменил на конференции новичок – лидер лейбористов Клемент Эттли, который чувствовал себя неуверенно рядом с Трумэном и Сталиным. Впрочем, все основные решения были уже приняты.

Когда прощались, то много было рукопожатий и пожеланий крепкого здоровья и благополучного возвращения домой. Гарри Трумэн и Иосиф Сталин больше не встретятся. Это была их первая и последняя встреча.

После неожиданного поражения на выборах Уинстон Черчилль казался сломленным человеком, бледной тенью великого лидера. Он привык в военные годы к тому, что его появление на публике вызывало неподдельный энтузиазм. Хотя увидеть его своими глазами могли немногие, сам факт его присутствия рождал спокойствие и уверенность, отсутствие вызывало обеспокоенность и тревогу. После разгрома Франции летом 1940 года его голос был единственным оружием англичан, оставшихся один на один с нацистской военной машиной. Когда он выступал по радио, все так внимательно вглядывались в громкоговорители, будто могли каким-то чудом разглядеть его лицо. Большею частью они слышали голос актера Норманна Шелли, который зачитывал по радио речи, произнесенные Черчиллем в палате общин.

После капитуляции Германии он признался: без войны стало скучновато. Ощущение опасности гальванизировало его мысль, пробуждало в нем жажду действий. Да и страна нужда-

лась в нем, пока шла война. Когда она закончилась, англичане предпочли другого сорта политиков, обещавших им комфортную жизнь.

Окружение Черчилля советовало ему покинуть большую политику. В том числе его собственная жена. У него начались серьезные проблемы со здоровьем – из-за курения и выпивки. Он выкуривал в день восемь сигар. Не отказывал себе ни в вине, ни в бренди, ни в виски, которые сопровождали обильные трапезы.

В августе сорок пятого Черчилль отправился отдыхать в Италию. Он хотел подумать и решить, что ему делать. Вслед за Черчиллем отдыхать на юг в начале октября отправился и Сталин. «Он постарел, – вспоминала его дочь Светлана. – Ему хотелось покоя. Он не знал порою сам, чего ему хотелось...»

Черчилль много гулял, наслаждался итальянской кухней, устраивал пикники, рисовал и размышлял. Он следил за той драмой, которая разворачивалась на просторах разрушенной Европы. Он отказался удалиться на покой. Лидер оппозиции его величества вернулся в парламент.

Зима сорок шестого – сорок седьмого года была в Англии очень суровой. Промышленность практически остановилась. Экономический кризис привел к уменьшению продовольственных пайков, отмене выдачи бензина, запрете поездок за границу. Сократилась и программа жилищного строительства.

Возник первый серьезный политический кризис из-за советских войск в Северном Иране. В конце августа 1941 года советские и английские войска с двух сторон вошли в Иран, чтобы покончить здесь с немецким влиянием, контролировать нефтепромыслы и обезопасить военные поставки Советскому Союзу. После окончания войны советские войска должны были вернуться домой. Но 1 марта 1946 года они отказались уходить. В Иранском Азербайджане и Курдистане с помощью советских войск возникли две непризнанные республики, которые ориентировались на Москву.

Из-за Ирана великие державы столкнулись в первый раз.

«Историки будущего, – считал шах Реза Пехлеви, – придут к выводу, что холодная война фактически началась в Иране. События в Иранском Азербайджане стали причиной доктрины Трумэна».

В октябре 1941 года вместо коммунистической партии Ирана, запрещенной властями за десять лет до этого, образовалась Народная партия Ирана, Туде. При активной поддержке советских властей партия Туде захватила власть в северо-западной области – Иранском Азербайджане. Шахским войскам пришлось отступить. 12 декабря 1945 года в городе Тебризе Народное собрание провозгласило создание народно-демократического государства Южный Азербайджан. Президентом стал лидер только что созданной партии Сеид Джафар Пишевари. Указом правительства 21 декабря началось формирование Народной армии. Ввели собственную денежную систему. Советский Союз перечислил большие суммы в Тебризский банк для поддержки нового правительства.

Так же развивались события и в населенной курдами западной части Иранского Азербайджана, где в небольшом городке Мехабад была провозглашена независимая Курдистанская республика – также при активном содействии Красной армии. Правительство в Мехабаде поддерживало около двух тысяч бойцов, прибывших из соседнего Ирака под командованием муллы Мустафы Барзани.

Соединенные Штаты обратились с запросом к союзнику: в северной части Ирана вспыхнуло восстание, направленное против законного правительства, почему советские власти препятствуют правительственным войскам в наведении порядка?

Через неделю, 29 ноября 1945 года, нарком Молотов ответил:

«События, имевшие место в последние дни в Северном Иране, не только не являются вооруженным восстанием, но и не направлены против шахиншахского Правительства Ирана.

Теперь, когда опубликована декларация Народного Собрания Северного Ирана, видно, что здесь дело идет о пожеланиях относительно обеспечения демократических прав азербайджанского населения Северного Ирана, стремящегося к национальной автономии в пределах Иранского Государства и имеющего свой особый язык, отличный от персидского языка...

К посылке новых иранских войск в северные районы Ирана Советское Правительство отнеслось отрицательно и сообщило Иранскому Правительству о том, что посылка дополнительных иранских войск в Северный Иран могла бы вызвать не прекращение, а усиление беспорядков, а также кровопролитие, что заставило бы Советское Правительство ввести в Иран свои дополнительные войска в целях охраны порядка и обеспечения безопасности советских гарнизонов...»

Американцы и англичане предполагали, что за этим конфликтом стоит желание советского руководства получить в Иране концессии на разработку нефти.

Сталин объяснил американскому послу интерес к иранской нефти:

– Вы не понимаете нашу ситуацию. Главный источник нашей нефти – месторождения в Баку. Они близки к границе с Ираном, и они очень уязвимы. Берия и другие говорят мне, что вредители – один человек с коробком спичек – могут принести нам серьезный ущерб. Мы не можем рисковать поставками нефти...

Вождь говорил о потребности Советского Союза в получении большей доли в эксплуатации мировых нефтяных ресурсов. Зачем же Англия и Соединенные Штаты препятствуют России в поиске нефтяных концессий?..

– Я вполне понимаю желание Советского Союза получать нефть из Ирана, – говорил американский посол в Москве. – Об этом вполне можно было договориться, не прибегая к аргументации силой, то есть соглашением, заключенным после вывода советских войск из Ирана. Соединенные Штаты вовсе не возражают против стремления СССР обеспечить свою безопасность. Противоречия возникают только в связи с теми методами, которые при этом употребляются с советской стороны...

Соединенные Штаты принялись уговаривать Сталина исполнить свое обещание и уйти из Ирана. Вашингтон не собирался воевать из-за иранской нефти. Но и не понадобилось. Обещание Гарри Трумэна поддержать вместе с Англией жалобу Ирана в Совете Безопасности ООН действовало на Сталина, чувствительного к настроениям мирового общественного мнения: 24 апреля 1946 года войска были выведены.

Казалось, это лишь досадный эпизод. Посол Гарриман пришел к Молотову в примирительном настроении.

– Конечно, разногласия есть, – рассуждал посол, – но при добром желании всех сторон и при наличии подходящей атмосферы через всякие противоречия можно перекинуть мост. Советская сторона в последние месяцы была уж слишком подозрительной и недоверчивой. Я прекрасно понимаю исторические корни этих чувств, но все-таки советским людям следует проявить немножко больше доверия к союзникам по великой войне... Советская сторона часто просто отвечает «нет» и ставит точку. Такое отношение обижает американцев, создает почву для всякого рода нездоровых подозрений, страхов и опасений о целях и стремлениях Советского Союза. К чему это? Нельзя ли почаще консультироваться? Нельзя ли давать более подробные ответы на дружеские дипломатические запросы?..

Молотов ответил в своем стиле:

– Я прекрасно понимаю важность психологического фактора в отношениях между странами, но и тут должен спросить, все ли в этом отношении безупречно со стороны наших партнеров?.. Если уж говорить с той откровенностью, которую допускает наше с ним старое знакомство, то – да простит меня Гарриман! – советским людям кажется, что как раз американцы в последнее время несколько зазнались и не дают себе труда даже скрывать это...

После Корделла Халла в ноябре 1944 года государственным секретарем Соединенных Штатов стал Эдвард Стеттиниус. Но он провел на этом посту несколько месяцев и в июне следующего года ушел. 3 июля 1945 года президент Трумэн поручил внешнюю политику своему старому знакомому и опытному человеку Джеймсу Фрэнсису Бирнсу, в прошлом конгрессмену, сенатору и члену Верховного суда.

28 апреля 1946 года государственный секретарь Бирнс пригласил Молотова на обед в парижской гостинице «Мерис». Нарком выразил недовольство недружественной позицией американцев в отношении иранских дел.

«Молотов, – отмечено в записи беседы, – говорит, что в последнее время действия Правительства США были направлены против СССР и способствовали созданию атмосферы недоверия вокруг СССР и развертыванию международной кампании, враждебной СССР...»

Взять хотя бы пример с Ираном. Правительство США не пожелало отложить обсуждение иранского вопроса на две недели, как об этом просило Советское Правительство. Позже Правительство США настаивало на оставлении иранского вопроса в Совете Безопасности вопреки просьбам СССР и Ирана...

Бирнс говорит, что ссылки Советского Правительства на то, что Иран может представлять опасность для СССР, неосновательны. Что касается иранской нефти, то еще во время Крымской конференции Стеттиниус и Иден заявили об отсутствии у США и Англии возражений против получения Советским Союзом нефтяных концессий в Иране. Следовательно, оставление Советским Союзом войск в Иране было вызвано стремлением Советского Правительства добиться от Иранского Правительства принятия советских требований... Это создало у мирового общественного мнения впечатление, что СССР стремится в Иране к экспансии так же, как он это делает в Европе...»

Государственный секретарь Бирнс считал, что он сам сможет обо всем договориться с советскими партнерами. Госсекретарь сильно себя переоценивал. Он пробыл на посту госсекретаря пятьсот сорок шесть дней, из них половину времени провел за границей, мало интересуясь, что происходит в его ведомстве в Вашингтоне.

Опытные дипломаты его ни в грош не ставили. Его подчиненный Аверелл Гарриман позволил себе высмеять госсекретаря в разговоре с Молотовым.

– Бирнс неопытен в международных делах, – с чувством превосходства заметил Гарриман. – Бирнс привык работать в домашней обстановке. К тому же он судья, то есть человек, привыкший мыслить юридически. Он законник и не всегда понимает, что во внешней политике юридическая норма часто вынуждена уступать политической целесообразности...

А президент Трумэн был недоволен, что госсекретарь действует самостоятельно, не советуясь с Белым домом. Он разозлился на Бирнса, который, вернувшись из Москвы, собирался сначала выступить по радио. Трумэн потребовал, чтобы госсекретарь отчитался перед президентом.

5 января 1946 года он вызвал Бирнса в Овальный кабинет и зачитал вслух адресованное государственному секретарю письмо:

– У меня нет сомнений, что Россия намерена вторгнуться в Турцию и захватить черноморские проливы, ведущие в Средиземноморье. Если не противопоставить России железный кулак и твердые слова, возникнет новая война. Они понимают только один язык: «Сколько у вас дивизий?» Я считаю, что мы больше не должны идти на компромиссы. Мы должны отказаться признавать правительства в Румынии и Болгарии, пока они не будут соответствовать нашим требованиям. Мы должны ясно изложить свою позицию по Ирану. Мы должны сохранять полный контроль над Японией и Тихим океаном. Мы должны восстановить Китай и создать там сильное центральное правительство. То же самое должно быть сделано в Корее. После этого мы должны настоять на возвращении наших судов из России и добиться урегулирования вопроса о российских долгах по ленд-лизу. Я устал нянчиться с Советами...

Джеймс Бирнс в январе 1947 года подал в отставку «по состоянию здоровья».

Когда советские войска под давлением США и ООН ушли, иранская армия по приказу шаха вошла в Иранский Азербайджан и его курдские районы, сокрушила сепаратистские режимы и восстановила власть центрального правительства.

1 декабря 1946 года власти Иранского Азербайджана приняли решение не сопротивляться шахским войскам. Шахские войска устроили резню, рубили головы и вспарывали животы. Через открытую советскую границу больше двадцати тысяч иранских азербайджанцев перешли на советскую территорию, среди них президент непризнанной республики Джафар Пишевари. Вскоре он погибнет в Баку в автомобильной катастрофе.

Премьер-министр Ирана Кавам ос-Салтан тянул время, чтобы избежать предоставления концессий. После вывода советских войск меджлис сначала отказался ратифицировать соглашение о нефтяной концессии Советскому Союзу, затем запретил партию Туде. Эта история сильно напугала западных политиков. На Западе боялись, что рано или поздно Сталин попытается взять под контроль нефтяные месторождения Ирана.

Для Англии, которая жила за счет импорта нефти, в том числе иранской, это был вопрос жизни и смерти. Британский министр иностранных дел в правительстве лейбористов Эрнест Бевин сказал своим подчиненным:

– Наши отношения с Россией относительно широкого круга европейских проблем приходят к тому же положению, в каком когда-то мы были с Гитлером.

Возможно, происходившие тогда в Иране события и нефтяные страхи стали одной из причин того, что 5 марта 1946 года Уинстон Черчилль произнес знаменитую речь о железном занавесе.

Когда Черчилль собирался в Соединенные Штаты, он получил приглашение посетить Вестминстерский колледж в небольшом городке Фултон в Миссури, родном штате президента Трумэна. Президент Вестминстерского колледжа Фрэнк Макклюэр обратился к одному из своих выпускников – близкому к Трумэну генералу Гарри Вогану, который преподавателям больше запомнился игрой в футбольной команде – он был центральным нападающим. Президент колледжа поехал в Вашингтон и попросил генерала помочь пригласить Черчилля в Миссури. Генерал пошел к Трумэну.

Президент Трумэн взял письмо, адресованное Черчиллю, и приписал внизу: «Это прекрасная школа в моем родном штате. Надеюсь, вы сможете приехать. Я вас представлю. Всего наилучшего».

Миссури не самый известный штат в США, Фултон не самый большой город, здесь вообще мало что происходит. Только однажды приехал Черчилль, произнес речь, и она сделала Фултон историческим городом. В память о знаменитой фултонской речи здесь открыли музей Черчилля. Вестминстерский колледж – главная достопримечательность города. Теперь, кстати говоря, здесь учатся студенты и из нашей страны.

Трумэн и Черчилль поехали в Фултон на поезде. Черчилль пребывал в отличном настроении. Перед ужином выпил пять порций скотча. Утром 5 марта 1946 года он внес последние исправления в свою речь, которую размножили на ротапринте. Американский президент прочитал текст и одобрил.

Тысячи людей собрались, чтобы увидеть Трумэна и Черчилля. После обеда в доме президента колледжа гости отправились в спортивный зал. Другого помещения, способного вместить всех желающих, в колледже не нашлось. Во вступительном слове Трумэн рассказал, как познакомился в Потсдаме с Черчиллем и Сталиным, и они оба ему понравились. Черчилля он назвал одним из выдающихся людей нашего времени и предоставил ему слово.

– Я глубоко восхищаюсь доблестным русским народом и моим товарищем в военные годы маршалом Сталиным, – говорил Черчилль. – Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ, устранив любую возможность германской агрес-

сии. Мы рады, что Россия заняла законное место среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. Но я не могу не сказать о том, что происходит в Европе. На мир, озаренный победой союзников, пала тень. Никто не знает намерения Советской России и ее международной коммунистической организации и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансии.

И вот тогда Черчилль произнес знаменитые слова о железном занавесе:

– От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике железный занавес опустился на наш континент. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест и София. Все эти знаменитые города и их население оказались в советской сфере... Почти все эти страны управляются полицейскими правительствами, в них нет подлинной демократии... Это явно не та свободная Европа, ради которой мы сражались. Я не верю, что Советская Россия жаждет войны. Она жаждет неограниченного расширения своей власти и идеологии. Из того, что я наблюдал в годы войны, я заключаю, что наши русские друзья и соратники ничем не восхищаются больше, чем силой, и ничего они не уважают меньше, чем слабость, особенно военную слабость.

Первая реакция на его речь была очень критической и на Западе, и на Востоке. Американские газеты обвиняли Черчилля в том, что он отравил и без того трудные взаимоотношения между США и СССР и опять пытается втянуть их страну в европейские дела. Трумэн поспешил сказать журналистам, что не читал текст заранее: в свободной стране каждый имеет право говорить все, что он думает.

Президент написал Сталину, что приглашает его в Соединенные Штаты и готов прислать за ним авианосец «Миссури». Трумэн обещал отвести Сталина в университет Миссури, чтобы и он мог, как Черчилль, сказать, что он думает. Сталин отклонил приглашение.

Назначенный послом в Советский Союз американский генерал Уолтер Беделл Смит в Нью-Йорке остановился в той же гостинице, в которой жил Черчилль. Смит не разделял все взгляды Черчилля, высказанные им в Фултоне, но очень хотел его увидеть. Смит позвонил в его номер. Черчилль пригласил зайти. Посол застал его в ванной комнате. Пока Черчилля одевался, они несколько минут поговорили.

Бывший премьер-министр был крайне раздосадован пикетами на улицах. Коммунисты и левые ругали его почем зря, а он привык к тому, что в Америке его встречают восторженно. Но считал, что сделанный им в Фултоне анализ точен.

– Припомните мои слова – через год-два многие из тех, кто меня сейчас поносит, скажут: «Как Черчилль был прав!»

Молотов и Вышинский выразили свое негодование государственному секретарю Джеймсу Бирнсу на переговорах в Париже.

«Молотов и Вышинский, – говорится в записи беседы, – выражают удивление, что Черчилль выбрал именно США для выступления со своей речью, которая была не чем иным, как призывом к новой войне.

Бирнс берет под защиту Черчилля, указывая, что он выступал не как член Британского Правительства, а под свою ответственность, что ни он, Бирнс, ни Трумэн не видели речи заранее и пр.

Молотов замечает, что Черчилль подорвал свой престиж, выступив с такой речью.

Бирнс говорит, что заслуги Черчилля в минувшей войне настолько велики, что Черчилль до самой смерти будет иметь массу поклонников...

Молотов отвечает, что нельзя оправдывать Черчилля, провозгласившего новую расовую теорию, теорию англосаксонского господства над миром, с которой далеко не все согласятся...»

Сталин назвал речь Черчилля «опасным шагом». Он увидел в ней контуры противостоящего ему военного союза, хотя сильно рассчитывал на англо-американские противоречия. 9 февраля 1946 года он выступил перед избирателями на выборах Верховного Совета СССР.

Сталин сказал, что коммунизм и капитализм несовместимы, поэтому война неминуема. Конфликт с Западом возникнет в пятидесятых годах, когда Америка будет переживать тяжелый экономический кризис.

В Вашингтоне вздрогнули. Американские политики решили, что Сталин «объявил войну Соединенным Штатам».

Длинная телеграмма Джорджа Кеннана

Сейчас трудно себе представить, какой популярной во время Второй мировой была Красная армия. Американцы и англичане восхищались советскими солдатами. Британский король подарил защитникам Сталинграда меч. До войны Сталин воспринимался как странная и демоническая фигура. В ходе войны он превратился в «дядю Джо», как его называли на Западе, что было вполне одобрительным прозвищем. Британские солдаты писали на европейских развалинах «Дядю Джо в короли!».

Опросы общественного мнения показывали, что восемьдесят процентов американцев приветствуют послевоенное партнерство с Россией. Летом сорок пятого общественное мнение благожелательно воспринимало «дядю Джо», героя побед на Восточном фронте. Жизнь советского общества была закрыта для мира. Критика Советского Союза выглядела как предательство.

Внешнеполитическое положение Советского Союза летом 1945 года было идеальным. Победитель Гитлера мог рассчитывать на самое дружеское участие со всех сторон. После разгрома Японии Соединенные Штаты стремительно сокращали свою армию, их сухопутные силы стали в десять раз меньшими, чем советские. Врагов не было. И не надо было их создавать. Страна чувствовала бы себя в полнейшей безопасности в послевоенные годы...

Государственный департамент США попросил свое посольство в Москве растолковать реальные мотивы сталинской политики: что стоит за февральской речью Сталина? Почему советские руководители отвергают американские предложения и с ними невозможно договориться?

Телеграмма поступила советнику-посланнику Джорджу Фросту Кеннану, который остался поверенным в делах после отъезда посла Гарримана. Кеннан, прекрасно говоривший по-русски, знаток русской истории и литературы, был среди первых американских дипломатов, приехавших в Москву в 1933 году.

Весной 1944 года его вновь командировали в Советский Союз. Штат американского посольства состоял из двадцати пяти – тридцати дипломатов и тридцати пяти – сорока клерков, большинство из них были женами дипломатов. Полтора десятка человек служили в военных атташатах и еще двадцать пять военнослужащих в основном занимались средствами связи...

«Мы искренне сочувствовали страданиям русских людей в военное время и ценили их героизм, – вспоминал Кеннан. – Мы сделали им только добро, поэтому особенно тяжело было видеть, что на нас смотрели как на носителей какой-то инфекции.

Сталин и его окружение – это люди, в свое время заключившие пакт о ненападении с Германией. Они были тогда враждебны Соединенным Штатам и Англии, и трудно поверить, чтобы их взгляды претерпели радикальные изменения».

В отличие от знатока российской жизни дипломата Кеннана большинство американских политиков не имело ни малейшего представления о том, что представляет собой советский режим и кто такой Сталин.

В сентябре 1945 года в Москву приехала группа конгрессменов, чтобы встретиться со Сталиным. Американцев прокатали на метро, потом славно угостили и на двух лимузинах повезли к вождю. Когда подъезжали к воротам Кремля, Кеннан услышал в машине чей-то хриплый и не очень трезвый голос:

– Черт побери, да кто такой этот Сталин? Почему я должен с ним встречаться? Я, пожалуй, выйду.

Кеннан твердо сказал нарушителю спокойствия:

– Не выдумывайте! Вы будете сидеть здесь и останетесь со всеми.

Когда они уже въехали в Кремль, сопровождаемые двумя машинами с вооруженными сотрудниками госбезопасности, Кеннан услышал, как тот же голос произнес:

– А что, если я щелкну этого старикана по носу?..

Вожь принял американских законодателей 14 сентября в восемь вечера. Присутствовали еще Вышинский и переводчик.

«Великоватый китель, который носил Сталин, – вспоминал Кеннан, – возможно, компенсировал недостаточную представительность его внешнего облика. Волевое лицо, несмотря на грубоватые черты, казалось даже привлекательным. Желтые глаза, усы, слегка топорщившиеся, оспинки на щеках придавали ему сходство со старым тигром, покрытым шрамами. Сталин был прост в обращении, выглядел спокойным и хладнокровным. Неподготовленный гость мог не догадаться, какая бездна расчетливости, властолюбия, жестокости и хитрости скрывалась за этим непритязательным внешним обликом. Великое умение притворяться – часть его великого искусства управлять».

В февральские дни 1946 года Джордж Кеннан болел, лежал в постели в Спасо-Хаусе и хандрил. Он страдал от жестокой простуды, которая сопровождалась высокой температурой, и от гайморита. Вдобавок у него ныли зубы. Интроверт, часто пребывавший в унынии, он был не из тех, кто хорошо чувствовал себя во враждебном и подозрительном мире сталинской Москвы, где иностранных дипломатов отрезали от общения не только с простыми людьми, но и даже с чиновниками.

Джордж Кеннан пребывал в депрессии и подумывал об отставке, поскольку к нему не прислушивались.

«При администрации Рузвельта, – вспоминал Кеннан, – преобладала наивность в отношении Советского Союза. Это представляло серьезную опасность, против которой надо было бороться. В советско-американских отношениях нельзя было действовать такими простыми и даже детскими методами, которые импонировали Франклину Рузвельту и которые, как ожидалось, должны были понравиться советским руководителям и прежде всего лично Сталину».

Кеннан был шокирован, когда обнаружил, что однажды Рузвельт попросил Сталина вмешаться в американские внутривнутриполитические дела – отговорить коммунистическую партию Соединенных Штатов оказывать ему поддержку на президентских выборах, так как эта поддержка поставила бы его в затруднительное положение.

Кеннан полагал, что у него на родине вовсе не понимают, с кем имеют дело.

«Советский режим – прежде всего полицейский режим. Это обстоятельство никогда не следует упускать из виду при оценке советских мотивов. В отличие от гитлеровской Германии действия Советского Союза не носят авантюристического характера. Советы не идут на ненужный риск. Глухие к логике разума, они в высшей степени чувствительны к логике силы».

Советник-посланник американского посольства втолковывал чиновникам в Вашингтоне: прежде чем они смогут обсуждать со Сталиным будущее Европы, ему нужно доказать, что США не позволят СССР добиться своих целей путем применения силы, что у Запада достаточно мужества, твердости и уверенности в своих силах и западные страны не позволят обвести себя вокруг пальца.

«Мы дали повод Сталину думать, – считал Кеннан, – что западная часть Европы находится в плачевном состоянии, а Соединенные Штаты исходят из абсолютно наивных и преувеличенных представлений о советской мощи, поэтому он легко сможет выдавить американцев со всего евроазиатского пространства и навязать миру свою политику. Мне было ясно, что, пока советские руководители так думают, у нас нет никакой надежды эффективно вести с ними дела. Поэтому в 1945 и 1946 годах я призывал Вашингтон ужесточить позицию и рассеять московские иллюзии. Я был убежден, что мы должны доказать русским, что они ничего не добьются без сотрудничества с нами».

Кеннан предлагал «откровенно поделить Европу на сферы влияния, держаться подальше от российской сферы и держать русских подальше от нашей сферы». Его коллега по Государственному департаменту Чарлз Болен (еще один будущий посол в Москве) ответил, что подобная политика немыслима для демократического государства, только тоталитарные режимы на это способны.

Получив запрос из Вашингтона относительно подлинного смысла речи Сталина, Кеннан мог высказаться откровенно. 22 февраля 1946 года он отправил в Государственный департамент так называемую «длинную» телеграмму:

«Я не в состоянии уместить ответы на заданные мне вопросы в кратком сообщении без риска представить их в слишком упрощенном виде. Я надеюсь, департамент не будет возражать, если я разобью ответы на вопросы на пять разделов:

особенности советского мировоззрения в отражении официальной пропагандистской машины; основы этого мировоззрения;

реализация этих взглядов в практической политике на официальном уровне;

реализация этих взглядов в неофициальной политике, осуществляемой скрыто, за которую советское правительство не несет никакой ответственности;

практические выводы с точки зрения американской политики».

Кеннан начал с исторического экскурса: «Исторически внешняя политика России развивалась путями, отличными от американских... Русская история знала много перемирий между враждебными силами, но в ней нет ни одного примера постоянного мирного сосуществования двух соседних государств... У русских поэтому нет концепции постоянных дружественных отношений между государствами. Для них все иностранцы – потенциальные враги...»

Описав цели советской внешней политики и душевное состояние страны, в своих оценках он был достаточно оптимистичен: «Многое зависит от здоровья и энергии нашего общества. Мировой коммунизм подобен болезнетворному паразиту, который питается только пораженными тканями... Мы должны сформулировать и представить на рассмотрение других государств более позитивную и конструктивную картину того, как мы представляем себе мир в будущем... Многие страны, особенно в Европе, измучены и запуганы и меньше заинтересованы во всеобщей свободе, чем в собственной безопасности. Мы должны быть готовы предложить им такую помощь. И мы должны оставаться верными нашим принципам. Самая большая опасность, которая грозит нам в решении проблем советского коммунизма, – это уподобление тем, с кем мы имеем дело...»

Джордж Кеннан считал, что Советский Союз слабее западного мира, и выражал сильные сомнения в прочности и стабильности коммунистической системы.

«Главная цель Советского Союза, – резюмировал он, – состоит в том, чтобы повсюду распространить свое влияние... В лице СССР мы имеем дело с политической силой, которая фанатично верит, что с США невозможно достичь согласия... В этих условиях ясно, что главным элементом политики США по отношению к Советскому Союзу должно быть долгосрочное, терпеливое, но твердое и бдительное сдерживание советских экспансионистских тенденций».

Он перечислил правила поведения в отношениях с советскими представителями, которые стали знаменитыми: «Не фамильярничайте с ними... Не придумывайте общность целей с ними, которой в действительности не существует... Не делайте бессмысленных жестов доброй воли... Не бойтесь пустить в ход все средства для решения вопроса, который нам может показаться второстепенным... Не бойтесь ссор и предания гласности разногласий...»

С пометкой «Не подлежит сокращению» телеграмма поступила госсекретарю Джеймсу Бирнсу, его заместителю Дину Ачесону и военно-морскому министру Джеймсу Форрестолу, который снял с нее сотни копий и раздавал их всем видным чиновникам в Вашингтоне.

Уже в Вашингтоне Кеннан говорил президенту Трумэну:

– Соединенные Штаты не могут в обозримом будущем рассчитывать на политическое сближение с Советским Союзом. Вам следует рассматривать Советский Союз в качестве соперника, а не партнера.

Свои идеи Кеннан более подробно изложил в статье под названием «Истоки советского поведения», которая за подписью «Икс» была опубликована в журнале «Форин афферс» в июле 1947 года и стала достоянием широкого круга ученых, военных, разведчиков и политиков. У многих американцев, прочитавших его телеграмму или его статью, возникло ощущение: наконец-то все стало ясно, теперь понятно, как действовать в отношении Советского Союза. Джордж Кеннан предсказал войну между двумя системами не на жизнь, а на смерть.

Похождения бригадира Хилла

После нападения нацистской Германии на Советский Союз в первом управлении Наркомата госбезопасности (политическая разведка) сформировали отдел по взаимодействию с английской и американской разведками. 8 июля 1941 года для налаживания сотрудничества в борьбе с общим теперь врагом в Лондон прилетел начальник разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал Филипп Иванович Голиков. Он подписал соглашение с британскими партнерами о том, что разведки не станут проводить операции на территории друг друга без предварительной договоренности. Впрочем, вскоре англичане обнаружили, что помещение их миссии в Москве напичкано микрофонами.

В августе 1942 года через Каир и Тегеран Уинстон Черчилль прилетел в Москву. Черчилль и его окружение были потрясены роскошью устроенных для них банкетов, в эти тяжкие военные дни столы буквально ломились от блюд.

Англичане были уверены, что в предоставленной премьер-министру резиденции его подслушивают. Охранник Уолтер Томпсон сказал об этом Черчиллю и предупредил, что следует быть осторожным в своих высказываниях:

– Возможно, и в спальне полно микрофонов.

– Если это так, – ответил Черчилль, – то нам их не найти. Я им сейчас кое-что скажу.

Премьер-министр повысил голос:

– Это говорит Уинстон Черчилль. Если вы установили микрофоны в моей комнате, то это напрасная трата времени. Я не говорю во сне.

Он рассмеялся своей шутке и заметил:

– Надо повторить это и в другой комнате.

В годы Второй мировой британская разведка считалась самой умелой и успешной.

Немцы пользовались купленными в Швейцарии шифровальными машинами «Энигма», полагая, что безопасность переговоров гарантирована. Первую информацию об устройстве этих машин англичанам сообщил немец Ганс Тило Шмидт, работавший на французскую разведку. Польский инженер, который когда-то участвовал в разработке «Энигмы», в 1938 году восстановил конструкцию шифровальной машины. Поляки первыми начали расшифровку немецких кодов. После поражения в сентябре тридцать девятого они передали англичанам все свои разработки и переправили в Англию имевшийся у них образец «Энигмы».

Пять с половиной военных лет английские дешифровальщики в Государственной школе кодирования и шифровального дела в Блетчли-Парк знакомились с секретными документами рейха. Англичане понимали, что напали на золотую жилу, поэтому изо всех сил старались не дать немцам понять, что их шифротелеграммы читаются врагом. Прежде чем использовать перехваченную информацию, англичане всякий раз тщательно продумывали, как обосновать свою осведомленность. И немцы ничего не заподозрили.

Начальник британской разведки Стюарт Мензис считал ненадежными советские линии связи и боялся давать Москве информацию, которую немцы смогут перехватить и понять, что противник читает их зашифрованную переписку. Сведения, полученные путем перехвата и дешифровки немецких шифротелеграмм, передавались Красной армии только с санкции Уинстона Черчилля. Скажем, 17 июля 1941 года Черчилль и Мензис спорили, можно ли сообщать русским, что немецкие танковые части вот-вот окружают советские войска в районе Смоленска. Мензис категорически возражал.

Тем не менее англичане делились с советским союзником информацией военного значения. 8 декабря 1942 года военная миссия Великобритании в Москве информировала Наркомат обороны о том, что в Северной Африке немцы использовали новый тяжелый танк «Тигр». 3 мая 1943 года британская миссия сообщила Наркомату обороны о том, что немецкое

командование готовит большое наступление в районе Курска. Но Гитлер отложил наступление, потому что новая техника поступила с опозданием. Операция «Цитадель», которая стала крупнейшим танковым сражением Второй мировой, началась позже, чем планировали немцы. Советские военные решили, что англичане то ли сознательно вводят их в заблуждение, то ли подсовывают неточную информацию.

Но то, что Москва не получала официальным путем, передавал агент советской разведки Джон Кэрнкросс, работавший в центре радиоперехватов и дешифровки в Блетчли-Парк. Кэрнкросс, награжденный орденом Красной звезды, даже считал, что это он изменил ход Второй мировой войны, когда помог Красной армии выиграть битву под Курском.

В Москву прибыла большая британская разведывательная миссия. Это были люди, знавшие русский язык, что означало, что они либо помогали белым сражаться против Красной армии во время Гражданской, либо служили в военном атташате в Москве в тридцатых годах и были свидетелями кровавых чисток в Советской России. Некоторые из них происходили из семей белых эмигрантов, то есть заведомо придерживались антикоммунистических взглядов. Руководителем миссии стал генерал Ноэль Мэйсон-Макфарлейн, который был начальником разведывательной службы британского экспедиционного корпуса во Франции в 1939–1940 годах.

Миссию управления специальных операций возглавил бригадир Джордж Хилл, который в предвоенные годы занимался подрывными операциями против большевиков, да еще умудрился рассказать об этом в опубликованных мемуарах. Достоинства Хилла на этом посту исчерпывались его свободным владением русским языком и завидной способностью выпивать.

«Весельчак Джордж Хилл, – вспоминал Ким Филби, который служил в британской разведке, но работал на Советский Союз, – со своим огромным животом скорее походил на опереточного короля, у которого вместо короны – лысина на макушке. Русские приняли его назначение в Москву с восторгом. Они знали о Хилле все. Запоздалая проверка его комнаты для совещаний в Москве обнаружила устрашающее количество подслушивающих устройств».

Готовность бригадира Хилла исполнять свой долг не знала границ. Он даже завел себе русскую любовницу, о которой твердо знал, что она работает на НКВД. Кто у кого больше вытянул информации, остается неясным. Но такова была практика многих британских разведчиков. Причем любовницы оформлялись как агенты, которым полагалась пенсия. И многим еще в пятидесятых годах британское правительство тайно платило за их бывшие «заслуги». Хилл явно превзошел своих коллег в этой сфере, когда убедил британское министерство иностранных дел прислать ему брильянтов на двадцать тысяч фунтов, чтобы окончательно перевербовать девушку на свою сторону.

Почему Хью Дальтон, британский министр, отвечавший за управление специальных операций, не выбрал кого-то другого для поездки в Москву? У него в аппарате были и люди левых убеждений. Но он полагал, что это все равно не растопит льда в отношениях с Москвой.

Лейборист Стаффорд Криппс был выбран на роль британского посла в Советском Союзе именно по причине его леволиберальных взглядов. Но в Москве его ненавидели еще больше, чем консерваторов.

Больше всего англичан беспокоило, что в руки немцев попадут нефтяные месторождения в Баку. Они даже предложили свою помощь в подрыве оборудования. 22 ноября 1941 года Сталин принял предложение. Заместитель наркома иностранных дел Вышинский разрешил большой группе англичан, в том числе сотрудникам управления специальных операций на Ближнем Востоке прибыть в Баку и совместно с чекистами приступить к минированию нефтеносных месторождений.

Группу британских диверсантов в Баку тепло встретил заместитель наркома внутренних дел Всеволод Николаевич Меркулов. Гостеприимство было на высшем уровне. Пособие, разработанное в управлении специальных операций, по уничтожению нефтедобычи перевели на

русский. Меркулов отвез англичан к Николаю Константиновичу Байбакову, уполномоченному Государственного Комитета Оборона по уничтожению нефтяных скважин и нефтеперерабатывающих предприятий в Кавказском регионе. Англичане поделились опытом – как они уничтожали скважины на острове Борнео, чтобы нефть не досталась японцам. Кто-то в Лондоне брюзжал, что незачем предлагать русским помощь в тех сферах, в которых они сами преуспели. Но именно управлению специальных операций удалось наладить нормальное сотрудничество с русскими.

В сентябре 1941 года британские разведчики в Сингапуре получили указание принять советскую миссию связи из пяти офицеров. Причем резидентам внешней разведки и управления специальных операций объяснили: «В случае падения нынешнего режима в России на британской территории окажется достаточное количество офицеров НКВД, которые смогут продолжить работу со своей агентурой по всему миру уже в наших интересах».

Однако пала не Москва, а Сингапур. 25 декабря 1941 года советскую миссию связи перевели в Рангун, но и Бирма скоро была занята наступавшими японскими войсками. А вот части Красной армии под Москвой стояли насмерть.

Премьер-министр Уинстон Черчилль распорядился удовлетворить просьбу советской разведки – перебросить ее агентов в Европу. Они морем прибыли в Англию, и самолеты эскадрильи управления специальных операций сбросили два десятка агентов с парашютами над оккупированными немцами территориями – на Балканах, над Италией и Францией. Французское правительство в изгнании отчаянно протестовало. Но на Черчилля произвела впечатление информация о деятельности коммунистического подполья, которое сражалось против немцев, и он хотел поддержать подпольщиков.

В 1942 году бригадир Хилл докладывал в Лондон, что не стоит принимать предложение советских партнеров, которые замыслили совместные акции – подрывные операции в Турции, Иране, на Балканах и в Центральной Европе: «Такое сотрудничество может быть очень опасным. Нельзя пускать русских внутрь британской разведки и создавать совместные организационные структуры».

Джордж Хилл считал, что русские намерены насытить Восточную Европу своей агентурой, чтобы после поражения Гитлера обеспечить развитие событий в этих странах в свою пользу: «Нам не надо попадаться в эту ловушку. Хотя ситуация очень непростая, потому что мы уже согласились сбрасывать русских агентов над вражеской территорией».

Бригадир Хилл реалистично говорил, что в этой войне все преследуют собственные цели: «Даже у нас с Соединенными Штатами цели разные».

Тем не менее проводились и совместные операции. Черчилль просил Сталина организовать охоту за ракетами «Фау-2», которыми немцы обстреливали Лондон. Зенитки и истребители были бессильны против ракет, оказавшихся неприятным сюрпризом для англичан. Сталин согласился, и совместная англо-американская группа в сентябре 1944 года прибыла в Москву. Вместе с советскими разведчиками они нашли районы испытаний «Фау» на территории Польши, установили тип используемого горючего и характеристики двигателя. В Лондоне благодарили за помощь.

Британские армейские офицеры были откровенными антикоммунистами. Иначе вели себя представители королевского военно-морского флота, которые уважительно относились к русским морякам и делились информацией о действиях немцев. В ответ они получали сведения о японском военном флоте, которые были на вес золота для союзников. Советские моряки воспринимали англичан как боевых товарищей. Один из них в 1942 году приветствовал британского адмирала словами:

– Я должен сообщить вам, что мы только что одержали большую победу над нашим общим врагом... – Он сделал паузу. – Наркоматом иностранных дел...

В начале 1942 года британские моряки договорились о проведении конвоев с военными грузами, поступавшими по программе ленд-лиза, и получили разрешение открыть на советской территории пункт радиоперехвата. Советские военные согласились, потому что в равной степени дорожили безопасностью конвоев, которые везли оружие и снаряжение для Красной армии.

Но британским офицерам связи в Москве не удавалось поладить с советскими коллегами. Атмосфера сотрудничества была отравлена советской манией секретности. Англичане жаловались на атмосферу «концлагеря» в Москве. Британский посол Криппс попросил прислать в Москву действующих офицеров британской армии с опытом боевых действий, считая, что они будут придерживаться более практической точки зрения. Прислали штабных офицеров, на редкость высокомерных. Новый глава военной миссии генерал сэр Гилфорд Мэррел жаловался на русских и называл их «азиатами».

В начале 1944 года Энтони Иден устал от его жалоб и прислал руководителем миссии в Москву своего старого друга генерал-лейтенанта Бурроуэса. Тот говорил по-русски и носил медаль, полученную от Белой армии в 1919 году. С этой медалью он явился на устроенный в Москве прием, где был представлен Сталину. Что же удивляться, если Сталин сам попросил убрать генерала? 23 сентября 1944 года они с Молотовым вежливо попросили избавить их от британского генерала, поскольку он крайне оскорбительно относится к советским офицерам.

У американцев сотрудничество с русскими шло хуже, несмотря на желание президента Рузвельта и его специального посланника Гарри Гопкинса, побывавшего в Москве. Американский военный атташе в Советском Союзе полковник Айвен Итон был таким же антикоммунистом, как и его британские коллеги. Он фактически саботировал указания военной разведки наладить обмен реальной информацией с Советским Союзом. В октябре 1941 года полковника убрали.

Американская военная миссия прибыла в Москву 3 октября 1943 года и оставалась до 31 октября 1945 года. Руководил миссией генерал-майор Джон Дин, который до этого был секретарем Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании. Его заместителем был генерал Хойт Ванденберг, который в 1946 году возглавит Центральную разведывательную группу (предшественница ЦРУ).

Большую активность проявила политическая разведка, которая не хотела, чтобы англичане монополизировали отношения с советскими спецслужбами. 24 декабря 1943 года руководитель американской политической разведки – Управления специальных служб – Уильям Донован прилетел в Москву. Его приняли нарком иностранных дел Вячеслав Михайлович Молотов и начальник первого управления Наркомата госбезопасности Павел Михайлович Фитин, который даже продиктовал американцам номер своего служебного телефона. Глава американской военной миссии генерал Дин был потрясен – это был первый телефонный номер, который ему назвал советский человек.

Уильям Донован – без разрешения Белого дома, Государственного департамента и Комитета начальников штабов – подписал с Молотовым секретное соглашение о сотрудничестве. Договорились, что представительство Управления стратегических служб появится в Москве, а первого управления Наркомата госбезопасности – в Вашингтоне.

Молотов сказал послу Гарриману 31 декабря 1943 года:

– Наши работники также удовлетворены встречей с Донованом, причем предложение Донована о том, чтобы обменяться представителями, будет, видимо, признано целесообразным.

Но вмешался настроенный антикоммунистически директор Федерального бюро расследований Эдгар Гувер. 10 февраля 1944 года он отправил письмо в Белый дом, доказывая, что полковник Донован открывает советским шпионам дорогу в Соединенные Штаты. Пожалова-

лись и военные. 15 марта 1944 года Рузвельт велел послу Гарриману отказаться от договоренности.

Посол пытался переубедить президента: «Мы впервые установили контакт с разведывательной службой советского правительства. У меня нет сомнений, что это способно привести нас к более близким отношениям и с другими органами власти».

Но решение уже было принято. Все же Донован успел поделиться с Фитиным не только разведывательной информацией, но и спецтехникой: подарил чекистам миниатюрные фотокамеры, аппаратуру для изготовления микроточек – в ту пору это был главный способ пересылки тайной информации по почте.

Поработавшие в Москве офицеры возвращались в Лондон и Вашингтон экспертами по советским делам. Они заложили основы отношения к Советскому Союзу как к будущему противнику. Они объясняли коллегам, что с русскими надо держаться твердо и доверять им нельзя. Сотрудники американской и британской разведок с содроганием говорили о советской бюрократии в погонах. Расовые и культурные стереотипы тоже определяли отношение Англии и Соединенных Штатов к Советской России в военные и послевоенные годы: «Этих полувосточных варваров надо держать подальше от старой Европы».

В начале февраля 1944 года ведущие специалисты по Советскому Союзу из США и Англии встретились в Лондоне. Две недели они обсуждали состояние советских вооруженных сил и договорились продолжить обмен информацией. Это было первое соглашение между западными разведками эпохи холодной войны, хотя она еще не началась. Именно военные разведчики первыми стали воспринимать Советский Союз как противника.

Осенью 1944 года оперативные группы американской разведки высадились в Центральной и Юго-Восточной Европе с заданием не только собирать информацию, но и помочь местным подпольщикам бороться с пронацистскими режимами в таких странах, как Венгрия и Румыния. Эти группы были обнаружены органами госбезопасности, которые продвигались вперед вместе с наступающими советскими войсками. Появление американцев здесь вызвало у Москвы подозрения.

В августе 1944 года британская разведка представила доклад, из которого следовало, что Советский Союз сумеет быстро восстановиться и модернизировать свою армию. Война между Англией и СССР вполне возможна в течение ближайших десяти лет...

В Москве не могли не узнать об этих настроениях. В британском посольстве в Вашингтоне секретариатом ведал Доналд Маклин, советский агент. Разведывательные оценки британских спецслужб, поступавшие в посольство для передачи американцам, проходили через его руки. Такие же документы утекали в Москву через Канберру и Оттаву, где успешно работали агенты советской разведки.

Британские военные планировщики, которые задумались над послевоенным устройством мира, считали, что Европе и тому, что останется от Германии, придется объединиться против враждебного Западу Советского Союза. Об этом доложили министру иностранных дел Энтони Идену: военные рассматривают Советский Союз как будущего врага номер один и даже готовы сотрудничать против него с Германией. Иден был страшно расстроен. Британские дипломаты тоже мучились, общаясь с советскими коллегами, но считали, что после войны что-то может измениться. Они полагали, что тесное сотрудничество продолжится и после войны.

К концу войны сотрудничество спецслужб практически завершилось. В апреле 1945 года Черчилль распорядился: британские офицеры, находящиеся в Советском Союзе, должны заняться сбором информации о советских городах, авиабазах и портах в Советском Союзе. Все это походило на сбор информации для будущих авиационных налетов. Эту линию поддерживали контрразведки Англии и США, которые фиксировали активность советской разведки на своей территории.

Довоенные и военные годы были временем расцвета советской разведки. Множество людей по всему миру помогали Советскому Союзу. Коммунисты – потому, что верили в идею, антифашисты – потому, что СССР противостоял Гитлеру. Союзнические отношения с Англией и Америкой открыли новые возможности для советской разведки.

Во время войны американцы и англичане демонстративно не работали против Советского Союза. Советская политическая и военная разведка, напротив, использовала благожелательное отношение союзников для глубокого проникновения в обе страны, особенно в Соединенные Штаты. Американская контрразведка занималась только врагами – немцами и японцами, так что советские разведчики могли работать совершенно свободно. Иногда они попадались. Президент Франклин Рузвельт приказал Федеральному бюро расследований не трогать советских разведчиков или по крайней мере не доводить дело до скандала.

Перед отъездом в Соединенные Штаты ночью 12 октября 1941 года нового резидента разведки в Нью-Йорке Василия Михайловича Зарубина принял Сталин. Перечисляя стоящие перед ним задачи, подчеркнул: важнее всего – «добывать информацию о новейшей секретной технике, созданной в США, Англии и Канаде».

Зарубин сменил Гайку Овакимяна, который работал под прикрытием инженера-консультанта компании «Амторг», созданной для торговых операций с Советским Союзом. В апреле 1941 года Овакимяна задержали агенты ФБР. Его могли отдать под суд или выслать. Вмешался президент Рузвельт, и Овакимяна освободили под залог. Но продолжать оперативную работу выявленному разведчику было трудно.

Василий Зарубин, как пишут историки внешней разведки, расконсервировал всех агентов, имевшихся на территории Соединенных Штатов (см. «Независимое военное обозрение», № 6/2009). Этим занялась большая группа нелегалов, которую прислали из Москвы. Они восстановили связь со старыми агентами и привлекли их к работе. В апреле 1943 года Зарубин получил повышение – его перевели в Вашингтон главным резидентом.

Заместителем резидента по научно-технической разведке в Соединенные Штаты отправили инженера Леонида Романовича Квасникова, которого со временем наградят «Золотой Звездой» Героя Советского Союза. К концу войны разведка сосредоточилась на проникновении в американский атомный проект. Это была очень успешная операция – пока о ней не рассказал лейтенант Гузенко... И когда выяснилось, что Москва шпионила за союзниками, американцы обиделись.

Побег шифровальщика Гузенко

Пожалуй, все началось с того, что 6 сентября 1945 года двадцатипятилетний лейтенант Игорь Сергеевич Гузенко, шифровальщик советского военного атташе в Канаде, попросил у канадцев политического убежища вместе с беременной женой, маленьким сыном и сотней секретных документов.

Когда 5 сентября 1945 года Игорь Гузенко покинул советское посольство в Оттаве, он плохо представлял себе, как устроена канадская государственная машина. Поверив во власть прессы, он пошел в газету «Джорнал». Вечером там почти никого не было, редактор городских новостей буркнул:

– Извините, я занят.

Гузенко отправился в министерство юстиции. Все сотрудники министерства давно ушли домой. Он пошел в бюро натурализации королевской полиции, потом в магистратуру. Слишком поздно: канадские чиновники отдыхали. Но и на следующий день с ним никто не хотел разговаривать. Когда вечером он, растерянный и разочарованный, вернулся домой, то увидел, что двое подозрительных субъектов наблюдают за его домом.

К тому времени о желании сотрудника советского посольства попросить политического убежища доложили премьер-министру Канады Уильяму Маккензи Кингу. В тот день Кинг был огорчен не меньше Гузенко. Но по другой причине. Кингу совсем не нужен был такой неприятный инцидент накануне встречи министров иностранных дел в Лондоне, на которой, как он надеялся, смягчатся трения между Востоком и Западом.

Главе канадского правительства доложили, что имеющиеся у Гузенко документы свидетельствуют о масштабном советском шпионаже в Северной Америке. Кроме того, Гузенко предлагает материалы, которые позволят расшифровать советские коды, расколоть которые не представлялось возможным. Разведчики уговаривали премьер-министра дать Гузенко убежище.

Но Маккензи Кинг этого не хотел! Для него это самая большая неприятность, которая могла с ним произойти. «Взорвалась бомба, которая все под собой погребет», – обреченно записал он в дневнике. Он не хотел портить отношения с русскими. Кинг надеялся, что отчаявшийся Гузенко покончит с собой и избавит его от необходимости что-то предпринимать.

Премьер Кинг распорядился установить наблюдение за квартирой Гузенко:

– Если произойдет самоубийство, оповестите полицию. Пусть она займется этим делом и заберет все документы. Но ни в коем случае не проявлять инициативы.

Советники премьер-министра пытались объяснить ему, что в таком случае канадские власти станут соучастниками убийства или самоубийства. Но Кинг, обычно столь сентиментальный, оставался непреклонен. Так что те двое, которых заметил Гузенко, были не из советского посольства, как он опасался, а агенты канадского правительства. Гузенко об этом не знал. Они с женой укрылись у соседа.

Потом какой-то человек стал стучать в дверь и звать Гузенко. По голосу он узнал посольского шофера Лаврентьева. Сосед, посвященный в замысел Гузенко и готовый помочь, на велосипеде поехал в полицию. Появился полицейский. Он выслушал Гузенко и сказал, что подозревает в парке:

– Если вас что-то будет беспокоить, включите свет в ванной.

«Мы легли, – вспоминал Гузенко. – Примерно в полночь услышали шум подъезжающей машины и звук шагов по лестнице. Стук в дверь моей квартиры. Приоткрыв дверь, я увидел подполковника Рогова и лейтенанта из военного атташата, а также резидента внешней разведки НКВД Виталия Павлова и его шифровальщика.

Выглянув из-за шторы, я увидел на улице еще одного человека возле машины. Поскольку дверь не открывалась, они взломали замок и вошли. Тут прибыла полиция».

Когда полицейские ворвались в квартиру, то застали гостей, рассеявшихся по всей квартире. Полицейский попросил предъявить документы. Двое достали дипломатические паспорта. Полицейский задумался:

– Что же я должен сделать?

– А что вам тут делать? – наставительно сказал Павлов. – Просто дайте нам возможность уйти, вот и все.

Полицейский указал на взломанный замок. Павлов ответил, что это было сделано до их появления. Они спустились вниз, сели в машину и уехали.

«Мы вновь легли, – рассказывал Гузенко. – Полицейский остался в квартире. В четыре часа утра вновь слышали шаги. Выяснилось, что это водитель Горшков, который возит военного атташе. Полицейский проверил его документы и отпустил. Около десяти утра меня отвезли в королевскую полицию, где я сделал свое заявление».

8 сентября 1945 года советское посольство передало в канадское ведомство по иностранным делам ноту № 35, в которой говорилось, что сотрудник посольства Игорь Сергеевич Гузенко не появился в установленное время на службе, поэтому консул Павлов и двое других сотрудников посольства в 11.40 вечера посетили квартиру Гузенко. Им никто не ответил, поэтому они открыли дверь с помощью дубликата ключа и убедились, что там нет ни Гузенко, ни его жены Светланы Борисовны, ни их сына Андрея.

Посольство просило найти, арестовать и передать в распоряжение советских властей Гузенко, поскольку установлено, что он украл деньги из посольства и поэтому скрылся вместе с семьей. Посольство также жаловалось на то, что констебль Уолш из городской полиции Оттавы вел себя с дипломатами грубо.

Но было поздно. Гузенко уже дал первые показания. Принесенные им шифртелеграммы советской военной разведки доказывали, что в стране действует масштабная шпионская сеть. Игоря Гузенко с семьей от греха подальше вывезли из Оттавы и разместили в пустующем туристском лагере, а сообщенную им информацию стали систематизировать и анализировать. Из Лондона прислали двух сотрудников контрразведки МИ-5. Они приняли участие в допросах вместе с представителями американского ФБР.

Публике о шпионском скандале поведал известный американский журналист Дрю Пирсон, обозреватель газеты «Вашингтон пост». Советский шпионаж Дрю Пирсон назвал частью плана Москвы по захвату власти над миром. Он утверждал, что Гузенко назвал имена тысячи семисот советских агентов в Северной Америке.

Эта цифра была мифической. Но и в реальном списке советских агентов в Канаде значились видные ученые, правительственные чиновники, депутат парламента от коммунистической партии Алфред Роуз, а также национальный секретарь компартии Сэм Карр. Признания Гузенко произвели эффект разорвавшейся бомбы. Масштаб скандала был таков, что премьер-министр Канады отправился обсуждать ситуацию с премьер-министром Англии и президентом Соединенных Штатов.

Игорь Гузенко заговорил в тот момент, когда в Вашингтоне и Лондоне дискутировалась будущая политика в отношении Советского Союза. В обеих столицах пришли к выводу: существует опасная дистанция между представлениями публики о Советском Союзе и реальной политикой этой страны. И обществу нужно открыть глаза на то, чем в реальности занимается Москва.

Правительство Канады назначило комиссию для проведения полного расследования. Первые дни, 6–13 февраля 1946 года, комиссия работала за закрытыми дверями, разбирая документы. 13 февраля перед комиссией предстал Гузенко, после чего комиссия сочла необходимым предпринять юридические меры против названных им лиц. Первые аресты были про-

ведены в семь утра 15 февраля. Взяли двенадцать человек. Среди них были Раймонд Бойер, специалист по взрывчатке из Национального исследовательского совета, Скотт Беннинг из департамента вооружений, Эмма Уойкин, шифровальщица из ведомства иностранных дел, Кэтлин Уилшер из аппарата британского верховного комиссара в Оттаве, Израэль Гальперин, математик, который работал в армейском управлении исследований и занимался взрывчаткой, один из офицеров из управления военной информации.

Арестовали депутата парламента коммуниста Фреда Роуза. После пакта Молотова – Риббентропа мировое коммунистическое движение получило указание мобилизовать рабочий класс против правительств Англии, Франции и Канады, поэтому в июне 1940 года канадское правительство запретило компартию. Когда нацистская Германия напала на Советский Союз, канадские коммунисты с трудом переориентировались на поддержку союзнических отношений СССР с западными странами. В 1942 году коммунисты создали новую партию – Лейбористскую прогрессивную партию. На выборах 11 июня 1945 года коммунист Фред Роуз был выбран в парламент...

15 февраля премьер-министр Маккензи Кинг сделал первое публичное заявление.

К удивлению канадцев, через несколько дней Совинформбюро признало, что некоторые сотрудники советского военного атташата в Канаде получали от канадцев информацию секретного характера, не представляющую для Советского Союза особого интереса ввиду больших успехов технического развития в СССР. Тем более что основная часть информации уже доступна по открытым источникам...

Военный атташе был отозван. В заявлении Совинформбюро говорилось, что ни советский посол, ни другие дипломаты к произошедшему не имели отношения. Это было признание вины, невиданное дело в истории мирового шпионажа: обычно правительства отказываются принимать на себя ответственность за действия своих разведчиков.

Итоговый документ королевской комиссии от 2 марта 1946 года называл имена советских разведчиков: подполковник Мотинов, помощник военного атташе, подполковник Рогов, помощник военно-воздушного атташе, майор Соколов из аппарата экономического советника, лейтенант Ангелов, секретарь военного атташе. 27 июня 1946 года доклад комиссии объемом в семьсот тридцать три страницы был опубликован.

Игорь Сергеевич Гузенко рассказал королевской комиссии, что он родился в 1919 году неподалеку от Москвы. В 1936 году вступил в ВЛКСМ. Учился в военно-инженерной академии и был мобилизован в разведывательную школу. Его готовили в радисты. Курс подготовки – девять месяцев.

Вместе с ним училась Галина Ерофеева, жена известного дипломата, которая готовилась к поездке в Японию.

«Мне в числе других преподавали некоторые шпионские навыки. Была создана небольшая группа. В память врезался перебежчик Гузенко, работавший в Канаде шифровальщиком и выдавший всю советскую шпионскую сеть в Канаде и Англии...

Представить себе, что он станет предателем, я безусловно не могла, но он не случайно укоренился в моей памяти: в нем было что-то, выделявшее его из остальных. Помню его сильно выступающий вперед подбородок, придававший лицу некоторую жестокость, и горящий взгляд, говоривший не то о страстности, не то о жадности его натуры.

Занятия вел подполковник. Он рассказывал нам о том, как проводятся явки, какой бывает слежка, о способах избавиться от «хвоста», как выбрать «тайник» для передачи секретной информации, и о многом другом... Эти занятия по-своему щекотали нервы: в них было что-то тайное, чуть постыдное, отличавшее нас от других».

С конца 1942 года началась рассылка шифровальщиков по резидентурам. Гузенко получил назначение в Канаду. 12 июня Канада установила дипломатические отношения с СССР. В конце года Монреаль и Москва договорились об обмене дипломатическими миссиями. Вес-

ной 1943 года прибыли советские дипломаты во главе с посланником Федором Тарасовичем Гусевым. Он приехал поездом из Вашингтона. Встречал его на железнодорожном вокзале в Оттаве сам премьер-министр Маккензи Кинг.

Передовая группа советской военной разведки во главе с полковником Заботиным (в нее входил и шифровальщик Гузенко) прибыла в Канаду 20 июля 1943 года. Светлана Гузенко присоединилась к мужу в октябре.

Николай Иванович Заботин (псевдоним Грант) служил в Красной армии с 1921 года. По военной специальности артиллерист, окончил Военную академию имени М.В. Фрунзе. В Главном разведуправлении служил с 1940 года.

Вторая группа военных разведчиков приехала в августе 1943 года, ее возглавлял заместитель резидента по оперативной работе подполковник Петр Семенович Мотинов (псевдоним Ламонт). Он служил в Красной армии с 1926 года, тоже окончил академию, командовал полком. В сентябре 1938 года его перевели в разведку.

Королевской комиссии лейтенант Гузенко подробно описал быт и нравы резидентуры военной разведки. Шифровальщик работал на втором этаже посольства в комнате № 12. Там был стол, четыре стула, стальной сейф. Дверь всегда держали на замке. Шифровальные блокноты хранились в опечатанном мешке, который утром получал Гузенко. Ему же вручали для расшифровки телеграммы, поступившие из Центра.

Входящие телеграммы печатались на голубой бумаге, исходящие на розовой. Нумерация телеграмм каждый год начиналась заново – с 1 января. Когда полковник Заботин хотел отправить телеграмму в Москву, то вызывал Гузенко. Полковник писал текст от руки. Гузенко его шифровал и перепечатывал на бланке канадской телеграфной службы. Все донесения отправлялись телеграфом в зашифрованном виде.

После окончания работы Гузенко запечатывал мешок с блокнотами личной печатью и сдавал. Оригиналы зашифрованных телеграмм подшивались в дела. Гузенко хранил в своей комнате донесения агентов, отчеты об их работе, дневник полковника Заботина, фиксировавшего встречи с агентами. Сейф Гузенко тоже опечатывал своей печатью. Комбинацию сейфового замка знал он и полковник Заботин.

Время от времени Гузенко спрашивал полковника, какие документы можно уничтожить. Полковник лично помечал каждый документ, после чего Гузенко от них избавлялся. Гузенко же вел два секретных журнала, в одном фиксировал номера входящих и исходящих телеграмм, а в другом прибытие и отправку почты.

Более объемные документы пересылались в Москву дипломатической почтой особым порядком. Документы помещали в большой конверт и ставили пять печатей – в центре и по углам. На лицевой стороне помечалось: «Совершенно секретно. Директору». Этот конверт помещался в другой, который тоже запечатывался пятью печатями, на нем было написано: «Личное – секретно». Этот конверт предназначался для секретаря. Второй конверт вкладывался в третий, запечатанный точно так же. На нем писали: «Народный комиссариат внутренних дел. Тов. Новикову. Вскрыть только лично». «Новиков» – это не фамилия реального человека, а указание на то, что конверт предназначен для «дальних соседей» – военной разведки. Возили конверты два вооруженных дипкурьера, если один спал, другой бодрствовал. Почта шла до Москвы от двух недель до месяца – дипкурьеры летели и плыли вокруг всего мира, в военное время дорога иногда занимала до пяти месяцев, поэтому копии держали в сейфе.

Гузенко серьезно приготовился к побегу. Он рассказал королевской комиссии:

– Примерно полмесяца я просматривал материалы, выбирая наиболее показательные для оперативной работы. Телеграммы, которые я хотел взять с собой, я аккуратно помечал, но так, чтобы полковник Заботин ничего не заметил. Все телеграммы разложены по номерам. Так что, когда я решил уйти, я просто за пару минут вытащил те, которые уже отобрал.

Телеграмма из Центра № 11273 от 11 августа 1945 года резиденту Заботину: «Гранту. Нам очень важно получить информацию по следующим вопросам: подтвердите официальные данные о переводе американских войск из Европы в США и на Тихий океан, сообщите даты и маршрут движения; создается ли штат оккупационных американских войск в Германии, где он будет находиться и кто возглавит штаб».

Телеграмма № 233 в Центр от полковника Заботина:

«Мой сын Владимир успешно закончил десятилетку. Он отказался поступать в МГИМО и намерен поступить в 1-ю Московскую артиллерийскую школу имени Красина, которую я окончил в 1924 году. Для того чтобы проводить сына, прошу разрешить мне уехать на очень короткое время. Я считаю, что настало время обсудить в Центре серьезные вопросы нашей работы. Если мне нельзя уехать, прошу разрешить моей жене сопровождать сына. Прошу помочь поступлению моего сына в артиллерийскую школу.

Сообщите время отъезда. Моя жена не может летать на самолете».

Переписка с Москвой показывала, как непросто складывались для резидентуры отношения с посольством. Разведчики не должны были делиться информацией даже с послом.

Телеграмма № 248 от Заботина в Центр: «Директору. Мне сделали выговор за то, что некоторые материалы стали известны Метро (посольство. – Л. М.). Прошу указать, о каких материалах идет речь. Я информировал руководителя Метро по политическим, экономическим и военным вопросам в соответствии с инструкциями, данными главным директором и товарищем Маленковым. Я никогда не называл источники. Прошу инструкций на будущее. Должен ли я информировать руководителя Метро о вопросах, относящихся к ситуации в Канаде?»

Гузенко пояснил королевской комиссии: главный директор – начальник разведывательного управления Генерального штаба Красной армии, директор – это генерал-майор Игорь Алексеевич Большаков, начальник первого управления советской военной разведки.

Телеграмма № 12200 из Центра от 24 августа 1945 года:

«Гранту. На вашу № 248. В телеграмме № 8267 от 20 июня 1945 года вам указывалось на неприемлемость раскрытия перед послом нашей агентурной сети. Передача послу сообщения от 3 ноября 1944 года о кредитах для продолжения торговых отношений между СССР и Великобританией после войны в той форме, в какой оно было получено, открывает личность нашего агента Элли. (Элли – это Кэтлин Уилшер, сотрудница аппарата британского верховного комиссара в Оттаве. – Л. М.)

Относительно неотложных политических и экономических вопросов, относящихся в взаимосвязях между Канадой, Великобританией и СССР, вы должны информировать посольство, но вы обязаны только указать степень надежности источника, но не сообщать послу ни источник информации, ни место, откуда мы получаем информацию.

Информация должна передаваться после изъятия пассажиров, которые могут раскрыть источник информации. Во всех случаях, когда вы сообщаете информацию послу, вы должны ссылаться на меня как на источник этой информации, соответственно поставив меня в известность. *Директор*».

Полковник Заботин, объяснил комиссии Игорь Гузенко, единолично распоряжался всем бюджетом резидентуры. Он выдавал оперативным работникам деньги на оплату агентов. Денег часто не хватало, занимали в посольстве.

Телеграмма в Москву № 270:

«Ответ на ваш № 12293.

Посол согласился помочь нам посольскими деньгами. Он предложил возвращать их небольшими суммами, которые должны быть возвращены ему и торговому советнику. Часть денег может быть добавлена к сумме представительских расходов. *Грант*».

Расходы были немаленькими. Когда предстояло потратить большую сумму, превышающую его лимиты, резидент запрашивал Москву.

Телеграмма № 263 от 25 августа 1945 года:

«Директору. Агенту Грею давалось указание принять все необходимые меры для того, чтобы остаться на старой работе. На последней встрече он сообщил, что ожидаются большие сокращения. В этом случае он не сумеет остаться на работе. Грей предлагает создать в Оттаве консультативную фирму по геологическим работам. Грей – геолог по образованию. Расходы по организации фирмы: аренда помещения – 600 долларов в год, оплата секретаря – 1200 долларов, офисное оборудование – 1000 долларов, зарплата Грею как директору – 4200 долларов. Итого – 7000 долларов в год.

Канаду ждет бум в горнорудной промышленности, вполне вероятно, что через два года фирма станет самокупаемой. *Грант*».

10 октября 1945 года бывший шифровальщик подписал письменное обращение к властям Канады:

«Я, Игорь Гузенко, желаю добровольно сделать следующее заявление.

Приехав два года назад в Канаду, я был в первые же дни поражен полной свободой личности, которая существует в Канаде и которой нет в России. Лживые представления о демократических странах, которые ежедневно распространяются в России, эта лживая пропаганда не выдерживают столкновения с фактами...

Создавая фальшивую картину жизни в демократических странах, советское правительство в то же время прилагает все силы для того, чтобы демократические страны не узнали бы о жизни в России.

На международных конференциях произносятся правильные слова о мире и безопасности, но одновременно советское правительство тайно готовится к третьей мировой войне. Готовясь к этой войне, советское правительство создает в демократических странах, включая Канаду, пятую колонну, в организации которой принимают участие даже официальные представительства советского правительства.

Советские люди, работающие за границей, знают, что коммунистические партии в демократических странах давно из политических партий превратились в агентурную сеть советского правительства, в пятую колонну на случай войны, в инструмент советского правительства для организации беспорядков и провокаций...

Я рад, что нашел в себе силы, чтобы предупредить Канаду и другие демократические страны о нависшей над ними опасности».

После того как стало ясно, какой огромный объем информации принес с собой Гузенко, премьер-министр Кинг изменил свое мнение о нем. Он принял Гузенко 16 июля 1946 года и торжественно произнес:

– Вы сделали большое дело, и я высоко ценю ваше мужество, смелость и готовность постоять за правое дело.

Это был невиданный по масштабам провал советской разведки, которого можно было избежать, считал известный военный разведчик генерал Михаил Абрамович Мильштейн.

Весной 1944 года Мильштейн, тогда заместитель начальника первого управления военно-стратегической разведки, был командирован в Западное полушарие проверить работу резидентур. Он поехал под видом дипкурьера и под другой фамилией. В Оттаве Мильштейн обнаружил вопиющие нарушения правил конспирации.

Шифровальщик не имеет права жить на частной квартире. Шифровальщиков селят только на территории посольства, чтобы они всегда были под контролем. Но у Гузенко был маленький ребенок. По ночам он не спал, плакал. Жена резидента потребовала от мужа отселить семью Гузенко. И полковник Заботин в нарушение инструкции переселил их на част-

ную квартиру. Мильштейн приказал немедленно переселить шифровальщика на территорию посольства. Резидент, чтобы не беспокоить жену, приказ не выполнил.

Выезжая за рубеж, Мильштейн не пользовался местным шифром, а всегда имел собственный, известный только Центру. Он зашифровал свою телеграмму и сдал ее Гузенко для отправки в Москву. Шифровальщик сказал ему:

– Товарищ полковник, ну зачем вы тратите время на такую ерунду. Дали бы мне текст, я бы все делал и быстрее, и лучше. У вас и так времени мало.

«Мотинов и Рогов, – вспоминал Мильштейн, – вопреки инструкциям, по своей инициативе стали заводить подробные личные дела на всех, с кем они работали или которых в тот момент «разрабатывали». В этих досье содержались имена, адреса, места работы и другие данные и на уже действующих агентов, и на лиц, которых они собирались в дальнейшем сделать своими осведомителями.

Материалы хранились в сейфе у Мотинова, ключом к которому по правилам мог пользоваться только он сам. Второй же ключ, опечатанный в специальном пакете, на всякий «пожарный» случай должен был храниться у старшего шифровальной комнаты и никому не выдаваться...

Я почему-то задавался одним и тем же вопросом: не имеет ли Гузенко доступа к сейфу Мотинова? Решил устроить проверку. Вызвал Мотинова и приказал ему положить в сейф конверт с какими-то второстепенными материалами, а самому на следующий день уехать в Торонто».

На следующее утро Мильштейн, убедившись, что Мотинова нет, стал спрашивать Гузенко, нет ли у него второго ключа от сейфа. Шифровальщик отвечал, что ключ есть только у заместителя резидента по оперативной работе. Мильштейн делал вид, что ему позарез необходимо открыть сейф. Шифровальщик продержался почти весь день, потом вдруг пришел с ключом:

– Вот, проверьте, может быть, этот подойдет.

Ключ подошел. Мильштейн взял свой пакет и поблагодарил шифровальщика. Назавтра он рассказал Мотинову о том, что Гузенко имеет доступ к его сейфу. Заместитель резидента очень расстроился, сказав, что шифровальщик допущен к совершенно секретной переписке. Мильштейн приказал ему сменить сейф и позаботиться о том, чтобы никто другой не имел к сейфу доступа. Мотинов приказа не выполнил.

В Москве Мильштейн, докладывая о поездке начальнику военной разведки, высказал свои опасения в отношении Гузенко:

– У меня нет конкретных данных и существенных оснований обвинять шифровальщика, есть только подозрения и догадки, но все же осмелюсь предположить, что Гузенко готовится к побегу и может нас предать.

Начальник разведки не придавал его словам большого значения:

– Разве можно так безосновательно и безответственно подозревать кого-либо? Если основываться только на подозрениях, тогда всех надо отзывать из-за рубежа.

«Если бы я тогда не доложил начальнику разведки о Гузенко, – вспоминал Мильштейн, – то наверняка после побега Гузенко был бы арестован и осужден».

В августе 1944 года из Центра пришло распоряжение откомандировать Гузенко в Москву. Полковник Заботин не хотел расставаться с ценным работником и настоял на том, чтобы Гузенко остался. Он предложил перевести Гузенко на роль переводчика военного атташата. Его зарплата сначала составляла тысячу рублей (по официальному курсу – двести долларов) плюс добавка за секретность (после двух лет работы за границей десять процентов к окладу, после трех – двадцать процентов). Перед побегом он получал уже двести семьдесят пять долларов.

Игорь Гузенко говорил, что не был готов к тому изобилию продуктов и одежды, которые он увидел. И к свободному общению канадцев с иностранцами. Русским в Оттаве были рады, их охотно приглашали, и к ним приходили, тем более что в посольстве щедро угощали. После одного из приемов канадский заместитель министра финансов, перебравший горячительных напитков, просто упал. Правда, развлекались старшие дипломаты (и офицеры). На уровне Гузенко развлечений было маловато.

В 1945 году было принято решение все-таки заменить Гузенко. Ему на смену прибыл лейтенант Кулаков. Начальник ГРУ генерал-полковник Федор Федотович Кузнецов отправил в резидентуру приказ отправить Гузенко домой. Никто не подумал, что шифровку первым прочитает сам шифровальщик...

«На нас, – вспоминал Мильштейн, – обрушился поток телеграмм из Канады, США и других стран с описанием деталей его побега и именами преданных им сотрудников ГРУ. Телеграммы шли отовсюду – от послов, наших резидентов, от корреспондентов советских газет... Не только наши секретные агенты, но и многие видные политические деятели, в том числе и представители зарубежных компартий, были вскоре арестованы, дискредитированы, лишены работы, семьи, друзей, будущего. В управлении воцарилась атмосфера тревожного ожидания. Высшие инстанции требовали справок, объяснений, докладов. Потребовали от начальника ГРУ доклада Сталину».

Разведчики предложили уничтожить Гузенко – на языке военной разведки – «организовать свадьбу». Этим занималась специальная секция, которую в главном разведуправлении называли «активкой». Руководил этим офицер по кличке Заика.

Но Сталин запретил убивать Гузенко, чтобы не портить отношения с союзниками после победы над Германией:

– Не надо этого делать. Народы празднуют великую победу над врагом. Война успешно завершена. Все восхищены действиями Советского Союза. Что же о нас скажут, если мы пойдем на уничтожение предателя. Поэтому запрещаю принимать какие-то меры в отношении Гузенко. Надо во всем разобраться и назначить специальную авторитетную комиссию. Пусть ее возглавит Маленков.

На закрытом совещании новый секретарь ЦК, курировавший госбезопасность, Алексей Александрович Кузнецов возмутился:

– Канадцы организовали суд над Гузенко. Мы говорим, что мы не крали никакие проекты, то есть мы обороняемся, а ведь есть указание о том, что мы, основываясь на итогах войны, когда мы стали очень сильной державой, должны проводить свою самостоятельную, активную внешнюю политику везде и всюду. И послам дано указание о том, чтобы они не занимались пресмыканием, а смелее вели себя...

Секретным решением политбюро была создана специальная комиссия в составе секретаря ЦК Георгия Маленкова, заместителя главы правительства Лаврентия Берии, секретаря ЦК Алексея Кузнецова (куратора спецслужб), начальника главного управления военной контрразведки Смерша Виктора Абакумова и наркома госбезопасности Всеволода Меркулова.

«Заседания проходили на Лубянке, – вспоминал Мильштейн. – Меня вызвали в первый же день заседания комиссии. Мне приказали явиться через первый подъезд. Открыв дверь, я сразу почувствовал, что часовых известили о моем приходе. Пропускной механизм, как всегда, работал слаженно и безотказно, и меня пропустили, ни о чем не спрашивая и не говоря ни слова.

Войдя, я по-военному отрапортовал:

– Полковник Мильштейн явился по вашему приказанию.

В комнате царил молчание, никто не ответил на мои слова. Слева от меня в дальнем углу стоял письменный стол, рядом небольшой столик с батареей разноцветных телефонов. В центре кабинета находился большой прямоугольный стол для совещаний со стульями по

обе стороны и председательским креслом во главе стола. В этом кресле сидел Берия в черном костюме и белой рубашке с галстуком.

Справа от него устроился Маленков в серой гимнастерке-толстовке, безучастный, усталый, с серыми мешками под глазами. Странно было видеть такое размещение. Маленков – председатель – сидел на углу стола, а Берия занимал командное место... По другую сторону стола сидели все остальные члены комиссии, большинство из них в генеральской форме. Я заметил Кузнецова.

Затем начался допрос. Мне не предложили присесть, и я продолжал стоять по стойке «смирно». Берия хлестал меня вопросами, как кнутом. Все началось с моей поездки в Канаду в 1944 году. Меня в какой-то степени спас Кузнецов, подтвердив, что о своих подозрениях я своевременно сообщил начальнику ГРУ и начальнику управления кадров...

Мое преимущество заключалось в том, что я в то время обладал хорошей профессиональной памятью и хранил в голове сотни имен, фамилий и кличек. Возможно, я просто был еще молодым. Мне только что исполнилось тридцать пять лет...

Однажды меня вызвал Кузнецов:

– Комиссия завершила работу.

Он некоторое время сидел молча, опустив голову.

– Буря пронеслась мимо нас, – наконец прервал он молчание. – Заботин, его жена и сын арестованы. Остальных решили не наказывать.

Я считал такое решение несправедливым. Я не понимал, какими высшими государственными интересами можно объяснить арест ни в чем не повинных жены и сына Заботина. Заботин и его семья просидели в тюрьме недолго. Выйдя из заключения, Заботин развелся со своей женой, женился вновь на простой деревенской женщине и уехал в Москву в провинцию, где вскоре скончался. Жизнь его сына была искалечена. Что же касается Мотинова, Рогова, Соколова, то к ним судьба оказалась более благосклонна. Они продолжали работать в ГРУ, дослужились до генералов...»

Игорь Сергеевич Гузенко остаток жизни скрывался от советской разведки, опасаясь мести. Перед королевской комиссией он появлялся только в черном колпаке, скрывавшем его лицо. На родине ему заочно вынесли смертный приговор, и до конца своих дней его искали. В органах государственной безопасности находилась ориентировка по его розыску – с фотографией и описанием его внешности: «6 сентября 1946 г. по сговору с женой отказался от возвращения в СССР. Из аппарата военного атташе СССР в Канаде похитил и передал канадским властям ряд совершенно секретных документов. По имеющимся данным, проживает в Канаде».

Он ушел из жизни так же загадочно, как и появился в Канаде. Умер он, судя по всему, своей смертью. В свидетельстве о смерти указана дата – 28 июня 1982 года. Похоронили его раньше, чем в прессе появились некрологи. И впервые газеты поместили фотографии Гузенко и его жены Светланы, которые были сделаны раньше, но никогда не попадали на страницы прессы.

За чем охотилась советская разведка в Канаде? Известны были успехи канадских ученых в сфере взрывчатых веществ, оптики и радиолокаторов. С весны 1942 года Канада участвовала в атомном проекте. В Канаде были дешевая электроэнергия, урановые залежи и единственная урановая обогатительная фабрика за пределами оккупированной Европы.

Гузенко прихватил с собой оригинал шифротелеграммы № 241, отправленной из резидентуры в Москву: «Директору. Информация Алека. Испытания атомных бомб проводились в Нью-Мексико. Бомба, сброшенная на Японию, сделана из урана-235. На заводе в Клинтоне ежедневно производится четыреста граммов урана-235. Научный доклад будет опубликован, но без технических деталей. Американцы уже подготовили книгу. Алек передал нам пробы урана-233. Грант».

«Грант» – резидент военной разведки полковник Заботин. «Директор» – генерал Большаков. «Алек» – Алан Нанн Мэй, британский физик-экспериментатор. В январе 1943 года приехал работать в Монреальской лаборатории Национального совета по исследованиям. Он занимался созданием реактора на тяжелой воде, периодически ездил к коллегам в Соединенные Штаты и знал о ходе работ над созданием ядерного оружия.

В Англии с ним советская разведка по какой-то причине прервала контакт, а в Оттаве возобновила. Потом он опять собрался в Лондон. Из Центра пришло указание:

«Гранту. В ответ на вашу телеграмму № 218.

Договоритесь с Алеком и передайте в Центр инструкции и пароль для нашего работника в Лондоне. Постарайтесь перед его отъездом получить от него детальную информацию о ходе урановых работ. Поговорите с ним. Может ли он это сделать, или же важнее и полезнее отправиться в Лондон. *Директор*».

Полковник Заботин информировал Центр, что достигнута договоренность о возобновлении контакта с Мэем в Лондоне:

«Он не может оставаться в Канаде. В сентябре должен лететь в Лондон. Встречи в октябре – 7-го, 17-го и 27-го числа. На улице перед Британским музеем. Время встречи одиннадцать вечера. Оповестительный знак: газета под левой подмышкой. Пароль: «Привет от Майкла». Передал ему пятьсот долларов. *Грант*».

Алан Нанн Мэй вручил сотруднику резидентуры лейтенанту Ангелову письменный доклад о ходе работ над ядерной бомбой и пробы обогащенного урана. Подполковник Мотин положил уран в свой сейф. Что такое радиоактивность, еще никто не знал, страха не было. Договорились, что подполковник полетит в Москву на самолете и возьмет уран с собой.

Резидентура запрашивала Москву (телеграмма № 275): «Директору. Прошу сообщить, в какой степени материалы Алека об уране (его сообщения о производстве урана и так далее) удовлетворяют вас и наших научных работников. Нам важно это знать для того, чтобы мы поставили эти задачи нашим агентам... *Грант*».

На основе показаний Игоря Гузенко двадцать один человек был привлечен к суду, девять из них осудили. После ареста Алана Нанна Мэя британские власти заявили: «Вместо благодарности за помощь, оказанную во время войны, советское правительство создало в Канаде шпионскую сеть, готовясь нанести союзнику коварный удар».

У одного из подозреваемых – профессора математики Израэля Гальперина, который занимался работами военного значения, – канадская полиция нашла в записной книжке запись: «Клаус Фукс, Шотландия, Университет в Эдинбурге, Джордж-Лейн, дом 84».

Талантливый физик Клаус Фукс вступил в компартию Германии в двадцать один год. В 1933 году бежал от нацистов в Англию. В конце 1941 года Фукс предложил свои услуги советской разведке. Завербовал его военный разведчик Симон Давидович Кремер, который до этого служил в кавалерии. В Англии он был помощником военного атташе, но дипломатическая работа ему не нравилась. Он упросил отпустить его на фронт. В 1943 году Симон Кремер получил под командование механизированную бригаду, сражался храбро и в 1944-м стал Героем Советского Союза.

А Клаус Фукс в 1943 году переехал из Англии в Соединенные Штаты, где началось создание ядерного оружия. С августа 1944 года Фукс приступил к исследованиям в самой главной и самой секретной американской атомной лаборатории в Лос-Аламосе.

– По существу, Фукс выполнял задания академика Курчатова, – с гордостью говорил мне полковник внешней разведки Герой Советского Союза Александр Семенович Феклисов, который работал с Фуксом.

Феклисов был командирован в Лондон заместителем резидента по научно-технической разведке. Ему и было поручено курировать работу с Клаусом Фуксом.

«Кlaus Фукс встречался с советскими партнерами так же, как делал это, будучи студентом и ведя нелегальную работу в Германии, – рассказывал многолетний начальник разведки ГДР генерал-полковник Маркус Вольф. – Он вспоминал, что русские профессионалы вели себя совершенно необычным образом: один из них постоянно оглядывался, нет ли за ним хвоста.

В Англии самой симпатичной из всех его связников была Рут Вернер, сестра Юргена Кучинского. Как правило, Фукс и Рут ехали на велосипедах в лес, и там физик передавал ей из рук в руки письменную информацию. Это были или копии его собственных работ, или запечатленные его фотографической памятью сведения об общем проекте».

2 февраля 1950 года Клауса Фукса, руководителя отдела теоретической физики в британском институте атомной физики, арестовали в Лондоне.

«Фукса, – вспоминал Ким Филби, – передали для допроса Уильяму Скардону из контрразведки МИ-5. Скардон сумел настолько втереться к нему в доверие, что Фукс не только признался в своем участии в этом деле, но и опознал по фотографии своего связного в США – Гарри Голда. От Голда, который тоже оказался разговорчивым малым, ниточка потянулась к Розенбергам, которых затем казнили на электрическом стуле».

Для Англии Клаус Фукс сделал больше, чем для Советского Союза. Британский вклад в создание ядерного оружия был важным, но в основном теоретическим. В самом процессе создания бомбы англичане практически не участвовали, и с этими секретами англичан не познакомили, поэтому им пришлось фактически самостоятельно создавать ядерное оружие. И тут ключевую роль сыграл Клаус Фукс. Он так много старался выяснить для Москвы, что знал чуть ли не все – и всем этим помог Англии. После его ареста бумаги передали другим физикам, и эта информация была использована при создании британской бомбы. Первое ядерное взрывное устройство англичане испытали 3 октября 1952 года на западном побережье Австралии.

Клаус Фукс во всем признался и был приговорен к четырнадцати годам тюремного заключения за передачу атомных секретов «агентам советского правительства».

Сразу после вынесения приговора, 8 марта 1950 года, появилось заявление ТАСС: «Выступавший на этом процессе в качестве обвинителя генеральный прокурор Великобритании Шоукросс заявил, будто бы Фукс передал атомные секреты «агентам советского правительства». ТАСС уполномочен сообщить, что это заявление является грубым вымыслом, так как Фукс неизвестен Советскому правительству и никакие «агенты» Советского правительства не имели к Фуку никакого отношения».

Все государства публично отрекаются от пойманных шпионов, но тайно стараются помочь им или их семьям. Но арестованный Фукс не имел для Сталина и руководителей разведки никакой ценности. Кроме того, признание Фукса было расценено как отсутствие чекистской стойкости, если не как предательство. В Москве о нем забыли.

«То, что Советский Союз не выразил ему ни слова признательности, – считал Маркус Вольф, – я объясняю тем, что в Москве с самого начала подозревали его в том, что он держал себя недостаточно стойко, или в том, что он привел в движение цепь предательства. Если бы там были лучше осведомлены, им было бы слишком мучительно сознаться в своей ошибке и извиниться перед Фуком».

За примерное поведение в июне 1959 года Клауса Фукса освободили. Он переехал в ГДР, где его сделали заместителем директора Института ядерной физики, избрали академиком, членом ЦК партии, дали Государственную премию. Один раз, в 1968 году, Фукс приехал в Советский Союз. К нему не проявили никакого интереса.

Когда полковник Феклисов просил руководство первого главного управления КГБ возбудить ходатайство о награждении Фукса орденом или об избрании его иностранным членом Академии наук СССР, воспротивился президент академии Мстислав Всеволодович Келдыш.

– Делать это нецелесообразно, – сказал Келдыш, – ибо ослабит заслуги советских ученых в создании ядерного оружия.

Уже после смерти Клауса Фукса полковник Феклисов побывал на его могиле в Германии, навестил его вдову.

– Что же вы так поздно пришли? – горестно спросила она. – Клаус двадцать пять лет ждал вас...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.